

Александр ШЕВЦОВ

г. Донецк

ДНЕВНИК «СЕПАРАТИСТА»

журнальный вариант

*Посвящается всем бойцам
Одесского Сопротивления,
боровавшимся с кровавой
украинской хунтой
в 2014–2015 годах*

Одесса, СИЗО, 27 декабря 2019 года

Мужчина перевернулся на спину и открыл глаза. Кривые «лыжи» узких коротких нар упирались в ребра, из-за чего нельзя было выпастись и отдохнуть. В тюрьме вообще нельзя отдохнуть, это не санаторий-профилакторий, это тюрьма, Дом вора. Этот мужчина не вор, не грабитель, не угонщик машин и даже не взяточник. Он политический, сепаратист, «сепар». Дед, а именно такой тюремный «навес» был у мужчины, провел в этой тюрьме почти пять лет, точнее 1733 дня и ночи он отсидел в крохотном «сундучке». В камерах, рассчитанных на одного арестанта, сидели четверо. Четверо взрослых мужчин на восьми квадратных метрах. По два квадрата на человека, как в могиле. И на этих восьми метрах помещались две двухъярусные шконки, «общак» (стол), умывальник и параша. На окошке несколько решёток (решка). Вход

закрывала бронированная железная дверь (бронь). В углу проходила труба парового отопления. Всё, на этом удобства и мебель заканчивались. Было шесть часов утра. Сокамерники ещё спали, укрывшись одеялами с головой. И хотя арестанты завесили оконную решку покрывалом, а входную бронь закрыли двумя куртками, в 297-й хате было холодно. Одесский тюремный крест, Тюремный замок, отапливался всегда очень плохо. Арестанты сами искали возможности обогреть свои камеры, свои хаты. Кто-то затягивал спираль, у кого-то была «дуйка» или электроплитка. Но все эти приборы были запрещены и регулярно «выбивались» при шмонах. Потом арестанты опять их затягивали, естественно, за деньги. В их, 297-й хате, выбили спираль неделю назад, и пока они мерзли. Дед тихо вздохнул. Сегодня решается его судьба. Его и ещё двух десятков одесских сепаратистов. Сегодня их должны отправить на обмен пленными. Он так давно, так долго ждал этого дня и вот дождался. Накануне Деда вызвал старший опер второго корпуса подполковник Ярема.

– Завтра у тебя суд, – сказал Сергей Николаевич. – Забирай с собой всё, что тебе понадобится. – Ярема относился к Деду уважительно. Оперативник знал, что за годы, проведенные в тюрь-

ме, этот человек не опустил, не «сторчался» и не пошел на «угоду» (сотрудничество) с судом. Он терпеливо и достойно нес свой крест.

– Ты это... – опер помялся, как-то засмутился, – не попадайся больше... ну и будь здоров, – какое-то мгновение казалось, что опер хочет пожать Деду руку, но не решился.

– Спасибо, – ответил мужчина, – постараюсь не попадаться, а в дорогу уже собрался.

«Всё, тюрьма за спиной, впереди свобода и новая жизнь», – подумал Дед и вздохнул. Ему пятьдесят девять лет, через месяц исполнится шестьдесят. Людям его возраста пора присматривать место на погосте, а ему предстоит строить новую жизнь, новую семью, искать новую работу. Другими словами, начинать жизнь с начала, полного нуля. Ну что ж, он готов. В любом случае это лучше, чем медленно умирать в тюрьме. Дед улыбнулся. Он вспомнил события 2014-2015 годов. Они, одесские подпольщики, славно поработали в своём родном городе. Из-за них укррам пришлось снять с Донецкого направления три батальона ВСУ и перебросить их в Одессу. Тогда об этом никто не думал, просто воевали с ненавистными украинскими нациками. Как могли, так и воевали. Дед придал коленом баул и застегнул молнию.

* Из материалов уголовного дела № 12014160500010747

Досудебным расследованием установлено, что гражданин Украины Александр, 1960 года рождения, являясь активным участником так называемого движения «Антимайдан» в городе Одессе, разработал преступный план путем проведения террористических актов остановить патриотическое волонтерское движение, которое занимается в городе Одессе гуманитарными сборами и поставками товаров Вооружённым силам Украины и добровольческим вооружённым формированиям, которые принимают участие в зоне проведения антитеррористической операции (АТО).

Для достижения конечной преступной цели Александр создал террористическую организацию... После создания террористической организации выполнял следующие функции: производил непосредственное руководство деятельностью террористической организации, привлекал других граждан для участия в террористической организации, участвовал в деятельности террористической организации, обеспечивал техническую поддержку материалами и оборудованием для проведения террористических актов членами террористической организации, производил выбор объекта

террористического акта, назначал непосредственного исполнителя террористического акта и контролирующего за его исполнением.

Одесса, осень 2013 года. Александр

Я, пятидесятирехлетний мужчина, получивший воспитание и образование в Советском Союзе, старался выжить в «Незалежной». Давным-давно надо было всё бросить и ехать в Россию, да как-то не решался. Если здесь было плохо, то там ждала полная неизвестность. Так и жили, просто выживали. А ведь вначале жизнь складывалась вполне нормально. После школы поступил в техникум. Через четыре года с отличием защитил диплом техника и поступил в институт. Ещё через пять лет стал инженером и приступил к работе на знаменитой одесской «Радиалке». Дорос до ведущего инженера, но пришёл Горбачёв со своей перестройкой, и на заводе стали задерживать выплату зарплаты. Ушёл с завода на обувную фабрику. Через несколько лет стал мастером-обувщиком высшего разряда, но... распался Советский Союз. Стали закрываться кожевенные предприятия, сырьё для производства обуви резко подорожало. Изготавливать новую обувь стало нерентабельно. Да и Китай заполонил своими плохими, но дешёвыми товарами все рынки и прилавки. Всё больше и больше людей становилось безработными, всё больше и больше закрывалось заводов и фабрик. Дорогостоящее оборудование резали на металлолом, а опытные и грамотные специалисты шли работать на «7-й километр» грузчиками и реаллизаторами. В конце концов, после долгих мытарств, я наладил небольшое швейное производство женской одежды и хоть как-то зацепился в жизни. Сын Никита, четырнадцати лет от роду, был неплохим пареньком, но категорически не хотел учиться. Зато от компа его нельзя было оторвать. С матерью Никиты, Татьяной, мы прожили двадцать лет, регулярно ругаясь и неделями не разговаривая друг с другом. По большому счёту, мне надоела такая жизнь, и я просто стал доживать отмеренные мне судьбой годы.

Но тут произошли странные события. Наш президент Янукович отказался подписывать ассоциацию с Евросоюзом. Его решение вызвало протесты студентов в Киеве. Оказывается, киевская молодёжь мечтала о кружевных трусиках и о вступлении Украины в ЕС. Без этих злополучных кружевных «репел» и без вступления в Европейский Союз молодые люди не смогут жить. Они готовы умереть под стенами Верховной Рады ради

счастливого европейского будущего. Мне, взрослому человеку, родившемуся и выросшему в свободной советской стране, были чужды и непонятны желания добровольного рабства. Я смотрел новости, слушал речёвку «Украина – це Европа» и поражался глупости и скудоумию молодого поколения. Но подростки и студенты требовали вступления в ЕС, скандировали: «Хто не скаче – той москаль» и громили магазины на Майдане Незалежности. На том самом Майдане Незалежности, где когда-то было Козье болото. Всем понятно, что ничего хорошего на болоте быть не может, тем более на Козьем. Потом на майдане появился «Беркут» и разогнал это прыгающее дурачье. А затем вдруг откуда ни возьмись появились крепкие парни, обученные ведению боевых действий в условиях города. В «беркутят» полетели тротуарная плитка, брусчатка, колья и бутылки с «коктейлями Молотова». Это было дико, ужасно и страшно. В мирной стране начались массовые кровавые беспорядки. Если бы в Германии или в Польше кто-то посмел оскорбить полицейского, не говоря уже о том, чтобы поднять руку на представителя власти, то был бы избит на месте и посажен в тюрьму. В самом демократическом государстве мира, в США, полицейские открывают огонь на поражение только по подозрению в возможной агрессии гражданина. Только по подозрению уже убивают, без всякого суда и следствия. А здесь, в столице Украины, в географическом центре Европы, среди белого дня полицейских забрасывают камнями, заливают за пластины бронешилетов горящий бензин, и это варварство оправдывается всей прогрессивной мировой общественностью. Президент Янукович в панике, в растерянности, не знает, что ему делать. Ты для того и был избран народом, чтобы поддерживать мир и порядок в стране. Но ты не смог зачистить майдан от своры беснующихся наркоманов. В твоих руках была полиция, армия, а ты растерялся и метался от одного правителя к другому. То с Обамой советуешься, то с Меркель объясняешься, то у Путина кредит выпрашиваешь. Определиться надо, с кем ты будешь дружить. Эта президентская бесребетность привела к тому, что в мирной Украине потекла кровь. Где угодно, в Ливии, в Грузии, в Египте, в Приднестровье могли быть бои, но только не у нас. Наш спокойный народ, живущий по принципу: «моя хата с краю, я ничего не знаю», невозможно послать на баррикады. Оказалось, вполне возможно, в прямом смысле этого слова. На Майдане Незалежности, Козьем болоте, стали строить баррикады.

Беспорядки, возникшие в Киеве, тут же перекинулись на другие города и регионы. Страна оказалась расколота на два враждующих лагеря. С одной стороны майдауны-националисты и неонацисты с лозунгом «Украина понад усе». С другой стороны поднялись антимайдановцы, сторонники России, приверженцы «Русского мира». К сожалению, очень быстро стали возникать различные организации, поддерживающие майдаунов и ассоциацию Украины с Евросоюзом. Одновременно средства массовой информации начали выливать ушаты грязи на РФ, и страна закачалась, как утлая лодочка в девятибалльный шторм. Вместо того чтобы твердой рукой навести в стране порядок, жадный Янукович проявил нерешительность и слабоволие. Он доверился лживым западным партнерам и местным предателям-казнокрадам. Кончилось тем, что через три месяца этот жалкий и ничтожный человек бежал из собственной страны. Сбежал, бросив народ, который вручил ему гетманскую булаву и поднял на высший государственный пост. Одним словом, достойный преемник гетмана Мазепы. Такая плодородная земля, а рождаются такие продажные лидеры. Единственный, кто действительно смог вытащить эту территорию из рабства и кабалы иностранцев, был Богдан Хмельницкий. И сделал это благодаря России. Пока Украина входила в состав царской России, она процветала. Когда распалась империя, на этой территории снова начались смута и беззаконие. Потом Украина вошла в состав СССР. Её территория была значительно увеличена за счёт земель РСФСР, и она снова расцвела. После предательства Горбачёва и развала огромной страны местные политики стали тянуть «государственное одеяло» на себя. Это привело к майдану, человеческой крови и гражданскому противостоянию. Началось народное движение под названием «Русская весна». В феврале 2014 года власть в Киеве захватили сторонники Евросоюза, а уже в марте от Украины откололся Крым. В крупных промышленных городах, таких как Харьков, Днепропетровск, Одесса, Мариуполь, проходили марши протеста и митинги в поддержку антимайдановцев. Но что-то было не так, чего-то не хватало. Собирались многотысячные митинги, а власть в свои руки не брали. А если и захватывали, то тут же и теряли, как было в Харькове. Только на Донбассе, в Донецке и Луганске местное население смогло перехватить власть и удержать её. На Украине началась гражданская война.

* * *

К этому времени я уже регулярно посещал Куликово поле. Там собирались антимайдановцы, выступали сторонники России и проходили митинги в поддержку «Русской весны». Мне казалось, что ещё чуть-чуть, и «Русская весна», как огромная волна, накроет наш город. Накроет и смоет эту мразь в лице Сергея Стерненко, лидера одесских правосеков, в лице Резвушкина, автомайданщика, и Марка Гордиенко – командира «Громадської безпеки». Ведь Николай Скорик и братья-болтуны Давиденко обещали бороться до победы Русского мира над проклятым украинским национализмом. Различные депутаты, такие как Албу, Барда и Кваснюк, красиво говорили, но не было истинного лидера. И только Маркин мог повести за собой людей, но он надеялся на мирный переход власти. Это заблуждение привело его к гибели. Его и ещё десятков одесситов, погибших второго мая. Ни о каком мирном переходе власти речь уже не шла. Кровь, человеческая кровь текла в Киеве, Харькове, Днепропетровске, на Донбассе. Мира в стране уже не будет. Власть захватили нелюди, внуки приспешников фашистов, служивших в дивизии СС «Галичина» и в Украинской повстанческой армии (УПА). К власти пришли оголтелые бандеровцы, которые будут уничтожать всё русское, всё человеческое. Над Украиной сгустились чёрные тучи. Её накрыла беспроглядная тьма национализма и мракобесия.

Я продолжал регулярно ходить на Куликово поле и всё искал, в какую организацию вступить, где я буду полезен. Для себя я всё решил, буду бороться с фашизмом, но в свои уже пятьдесят четыре года, без опыта службы в армии, кому я могу понадобиться. Глядя на подростков из «Одесской дружины», бегающих с дубинками и деревянными щитами, понимал, что не гожусь для уличных драк. Смотрел на разодетых «казарков», ходивших, задрав носы к синему небу, и мне было противно даже стоять рядом с ними. Их самозванный генерал Александр Луценко вообще считал себя небожителем. Через несколько лет я очень близко познакомлюсь с этим чванливым карьеристом и предателем, согласившимся на сотрудничество с СБУ и прокуратурой.

В начале апреля активистка Куликова поля Ника предложила вступить в новую организацию «Честь имею». Тогда, в апреле, я не знал, что пройдёт полгода и эта женщина станет работать уже в моей группе. А пока она познакомила меня с полковником Якименко Александром Ивановичем, командиром организации, и его замом, подполковником

Трофимовым Юрием Маратовичем. В организацию принимали людей, отслуживших срочную и желающих бороться с украицистами. Нас собралось примерно человек тридцать-тридцать пять. Офицеры-отставники, офицеры запаса, «афганцы» и несколько женщин. Именно там я впервые увидел брюнетку с прекрасной фигурой и с умными зелёными глазами. Молодая красивая женщина была просто неотразима. Я посмотрел на неё, вздохнул и отвернулся, но в сердце она мне запала...

Быстро пролетел апрель, и наступил Первомай, День солидарности трудящихся. Праздник, который всегда отмечался в Советском Союзе. Вот и в этот раз сотни, тысячи одесситов собрались возле Оперного театра и огромной колонной двинулись в сторону железнодорожного вокзала, к Куликову полю. Звучала музыка, выкрикивались лозунги. В воздухе стоял сладковатый аромат цветущей акации. Все ещё были живы и здоровы. Люди верили, что в славном городе-герое никогда фашисты-националисты не захватят власть. Руководство города не допустит таких беспорядков, какие были в Киеве.

Я смотрел на эту яркую, праздничную демонстрацию, и меня наполняло чувство гордости за свой город, за свою Одессу. Разве может она сдаться «уйкам», когда деды отдавали свои жизни за нашу свободу. Одесса – русский город и никогда не пойдёт под «западенцев».

Наша колонна прошла через центр города, вышла к вокзалу, и мы оказались на Куликовом поле. Кольхались бело-сине-красные и бело-желто-чёрные флаги. Кое-где виднелись бордово-красные советские знамёна. Разносились песни Жанны Бичевской, и с трибуны выступали депутаты. Смысл их выступлений сводился к трём фразам: «Враг не пройдёт», «Город не сдадим» и «Мы победим». Припекало жаркое южное солнце, и небо было чистое и прозрачное. Казалось, что впереди нас ждёт радость и счастье, а всё плохое осталось где-то позади, далеко за спиной. В тот день я остался на Куликовом поле до позднего вечера. Мы праздновали Первомай, немного выпили «за Победу» и за «Враг не пройдёт». К счастью, офицеры «Честь имею» знали свою норму и вовремя прекратили разогревать себя. Зато охрана нашего палаточного городка раздухарилась и перепилась. Пьяные «херои» сбросили с себя камуфляж, а заодно и «овечью шкуру». Впервые я увидел вытатуированные на плечах «звёзды». Значит, наш лагерь охраняют «урки». Хороши охранники, нечего сказать. А пьяные, полураздетые бандюганы бегали друг за другом, громко матерились и стреляли в воздух

из травматов. Нина-Баррикада пыталась их уговорить, но не тут-то было. Юрий Маратович морщился и тихо возмущался поведением охраны.

– Неужели не видели, кого набирают, – говорил он. Кончилось тем, что приехал наряд милиции и успокоил любителей выпить. Вскоре и мы развезлись по домам. Остался только Николай-орденоносец, два ордена Красной Звезды да его помощник.

На следующее утро, второго мая две тысячи четырнадцатого года, я приехал на Куликово поле около восьми часов утра. Была прекрасная погода. Теплое ласковое солнце, цветущие сладкие акации, чистое голубое небо и пышная зелень травы и деревьев. Хотелось жить и радоваться жизни.

– Александр, – обратился ко мне Маратович, – через полчаса прибывает «поезд дружбы» с болельщиками «Металлиста». Его надо встретить, – подполковник пригубил горячий чай. – Надо посмотреть, кто приехал, и прикинуть примерное количество прибывших.

– Хорошо, – я был готов к работе, – когда надо быть на вокзале?

– Уже иди, поезд должен прибыть минут через двадцать-тридцать.

От Куликова поля до железнодорожного вокзала всего метров двести. Я прошёл через парк, пересёк дорогу и вышел на платформу. Одесский вокзал, как любой другой, жил своей жизнью. Вот два бомжа ковыряются в урне. Вот лениво прохаживается наряд линейной милиции. Вот зыркает по сторонам вокзальный воришка, мелкий крадун. Вот дешёвая проститутка курит сигаретку и высматривает подходящего клиента. И, конечно же, вездесущие цыгане что-то бурно обсуждают. Над моей головой захрипел громкоговоритель.

– Информация для встречающих. К шестой платформе на одиннадцатый путь прибывает поезд номер, – цифр я не расслышал, – Кировоград – Одесса. Повторяю, – и динамик ещё раз прохрипел о прибытии поезда. Мимо меня медленно поплыли вагоны с толпящимися в тамбурах людьми. Вот состав остановился, дернулся, и лязгнули сцепки. Проводники стали протирать поручни и выпускать пассажиров. Я стоял и смотрел на проходящих людей и не видел ничего необычного. Действительно, было много молодёжи, болельщиков кировоградского «Металлиста». Они шли весёлыми компаниями по пять-шесть человек. Были группы людей постарше, но было много и простых пассажиров. Попадались семьи с совсем маленькими детьми, с грудничками. Из примерно шестисот-семисот прибывших около двухсот были молодые люди и подростки. Ещё около пятидесяти человек были среднего возраста, но тоже явные любители футбола. Все ос-

тальные пассажиры приехали отдыхать и загорать. И только одна группа, человек пятнадцать, привлекла моё внимание. Молодые, крепкие, рослые, подтянутые. На всех одинаковые чёрные футболки. Все коротко стрижены, и у всех пустые отсутствующие глаза наркоманов. Командовал этим подразделением двухметровый верзила, и обращались к нему: «Имам». Я ещё удивился, лица у всех европейские, а позывной мусульманский, в переводе на русский: «Учитель». От этих людей исходило волны чёрной холодной агрессии. Стоя возле этой группы, я ощутил, будто попал в клетку к голодным и безжалостным хищникам.

– На футбол приехали? – улыбаясь, спросил я. Имам глянул на меня, подбросил свой рюкзак, поудобней устраивая его на спине.

– На футбол, – подтвердил он. – Разорвем вас... – он прервал себя на полуслове. Я опешил от услышанного. Только сейчас я понял, что передо мной стояли те самые роботы-убийцы, про которых пишут в фантастических романах.

– Вечером увидимся, – в его голосе явно слышалась угроза.

– Всегда рад, – ответил я. Имам отдал команду, его подчинённые вскинули свои рюкзаки, перестроились в колонну по два и зашагали в сторону подземного перехода. Чёрные футболки, темно-зелёные форменные брюки, заправленные в берцы, а на спине у каждого приличных размеров рюкзак. – «Зачем рюкзаки на футболе?» – подумал я. Глядя, как они шагают в ногу, мне стало ясно, что это слаженное боевое подразделение. Вот это новость! На футбол приехали боевики. Я отправился доложить руководству об увиденном.

Подходя к нашей палатке, я заметил, что группа Имама идет на Куликово поле. Их остановил дежурный патруль. Затем к ним подошли ещё два офицера милиции. Эти офицеры что-то сказали в рацию, и к ним прибыл целый полковник. Полковник отвёл Имама в сторону и что-то шепнул ему. Имам молча кивнул и повернулся к своим солдатам.

– За мной! – скомандовал верзила, и они направились к центру города на Дерibasовскую.

И командира Якименко, и его зама Трофимова очень заинтересовала информация об Имаме. Несколько раз они заставляли меня пересказывать одно и то же. В конце концов меня принялись куда-то звонить и докладывать о прибывшей группе. Своё дело я сделал. «Поезд дружбы» встретил и доложил о результатах работы.

Тогда, в одиннадцать часов утра, я ещё не знал, что встречу с Имамом в одиннадцать вечера. И эта встреча будет совсем не такой спокойной, как утром.

Екатерина

К началу 2014 года мне исполнилось тридцать четыре. По национальности я болгарка, хотя родилась и выросла в Одессе. У меня зелёные глаза, густые тёмные волосы, стройные ноги и приличная фигура. Школу я окончила с золотой медалью, а университетские дипломы бакалавра и магистра были с отличием. По специальности я переводчик с испанского, английского и голландского языков. Также я понимаю португальский, итальянский и болгарский. Всё у меня было нормально: квартира, работа, зарплата. Только с личной жизнью не очень складывалось. Два раза собиралась выйти замуж, да в самый последний момент что-то мешало. Торжества срывались, женихов гнала прочь и продолжала жить своей жизнью. В конце концов я успокоилась, ведь только на Украине женщин на четыре миллиона больше, чем мужчин.

События конца 2013 – начала 2014 года раскололи страну на два лагеря. Одни считали себя сторонниками «Русского мира», а другие рвались в Евросоюз. Вопли: «Україна – це Європа» сотрясали воздух на майданах. Глупое высказывание: «Хочу кружевные трусики и в Европу», сказанное набитой душой в Киеве, вызывало смех и недоумение. Эта глупышка не знала, что граница между Европой и Азией проходит по Уральским горам. Не только вся Украина, но и треть России территориально входят в Европейский континент. Безграмотность молодёжи достигла невиданных масштабов.

Я стала посещать Куликово поле, где выступали одесские антимайдановцы. Ходила на марши протестов и слушала Давидченко, Барду, Албу, Кваснюка и Маркина. Вроде бы всё правильно говорили, но мне казалось, что пора от слов переходить к делу. Вот в Киеве кровь течёт рекой, уже власть в руках нациков, а у нас всё митинги да шествия. Ведь все эти многотысячные марши в поддержку антимайдана снижали запал людей, разряжали их. Люди хотели видеть хоть какие-то действия против оголтелых укров, против формирующихся боевых подразделений правосеков, С-14 и иже с ними. Укронацисты организовывали «майданные сотни» и добровольческие батальоны, а у нас «марши протеста» да пламенные речи. Одесситы верили, что губернатор и мэр придавят поднявших голову членов УНА-УНСО, приструнят бандитов из вновь возродившейся УПА и прочих профашистских организаций. Но, увы, кроме маршей, митингов, громких заверений и патриотических песен ничего больше не происходило. Ещё по Куликову полю бегали подростки с дубинками и деревянными щитами. Сушная ерунда. Я поехала в Киев на встречу с представителями Фёдорова из НОДа. Мне каза-

лось, что лидеры народно-освободительного движения дадут толчок в нужную сторону. Но, кроме нескольких НОДовских флагов, пачки агитационной литературы и словесных заверений, что всё идёт по плану, я ничего не получила. Зря поехала. А в Одессе руководители «Одесской дружины», «Православного казачества», ещё каких-то организаций делили шкуру неубитого медведя и тянули одеяло власти на себя. В результате оно не выдержало и порвалось, а пострадали и погибли простые люди.

Я продолжала ходить на Куликово поле, поддерживала связь с одесскими НОДовцами и всё надеялась на быстрый приход «Русского мира». В конце марта 2014 г. меня познакомили со Снежаной из города Снежное Донецкой области и Александром.

– Это наш Саша, – сказала Ника, указывая на плотного, сорока-сорока трёх лет, мужчину. Добрые серые глаза, чистая кожа лица, улыбка на губах. Вроде бы ничего особенного, но от него исходила внутренняя сила. Он был надёжным, на него можно было положиться. Такие люди не подводят. Я вспомнила свой старый сон, где я иду под руку с мужчиной по красивому чистому городу, не по Одессе. Этот мужчина обнимает меня, у него серые глаза, и он улыбается мне. Именно этот человек стоял сейчас передо мной. Меня пронзило током. Я поняла, это мой мужчина. Откуда возникло это чувство, я не знала. Знала только одно: это мой мужчина, мой единственный, дорогой и любимый. Любимый с первого взгляда. Такого ещё не было в моей жизни.

– Саша часто приходит к нам, – продолжала Ника, – иногда приводит жену и сына.

– Вот это новость, – подумала я. – У него семья, ребёнок. Нет, Катюша, – пронесясь у меня в голове, – это не твой мужчина, это чужой муж. И ты не будешь разбивать его жизнь. На чужом горе своего счастья не построишь. – Я тихо вздохнула. А мужчина смотрел на меня в упор, и лицо его стало серьёзным-серьёзным. Он тоже вздохнул, отвёл глаза и шагнул в сторону. Мы с Никой пошли дальше. Я переключилась на происходящее вокруг нас. Мне было досадно, что в нашем прекрасном городе не могут организовать для отпора националистам. Горожане не признают новую нацистскую власть, а мэрия и губернатор в бирюльки играют. Из Киева ползут щупальца бандеровщины и украинского фашизма, а у нас только пышные словеса сотрясают воздух да собираются марши протеста. Уже запретили русский язык и ввели «мову». Уже пошёл массовый «Ленинопад». Уже стали называть улицы именами «павших героев Небесной сотни» или просто менять привычное название на новое, типа проспект Шухевича или площадь Бандеры. Уже Крым отделился от Украины, а в Одессе делали вид,

что всё хорошо и нормально. Нерешительный Скорик, хитромудрый Кивалов, трусливые и жадные депутаты областного и городского советов готовы были пасть ниц перед кем угодно. Главное, сохранить свои должности, свою власть, свои деньги. Это и привело к ужасу и кошмару 2 мая.

Одесса, второе мая, пять часов пополудни. Александр

Теплый, даже жаркий майский день. Прекрасная погода, чистое небо и цветущие акации. Впереди ещё два выходных дня. Одесситы поехали на дачи, на море, просто на природу жарить шашлыки. Никто не хотел думать о плохом, всем хотелось праздника и веселья. По стране ползла трезубая кровавая националистическая чума, а одесситы разъехались на маёвку.

К пяти часам вечера на Куликово поле стали поступать тревожные сведения об уличных боях на Греческой площади. Сергей Долженков, «Капитан Какао», повёл свой отряд в бой против орды майдаунов. Трусливые казаки под командованием самозванного «генерала» Луценко ещё накануне свернули свою палатку и переехали на 411-ю батарею. Скорее всего, Луценко был в курсе предстоящих событий и не хотел рисковать своей шкурой. На самом Куликовом поле творился какой-то хаос. Единого руководства не было. Решения принимались коллегиально представителями различных партий и организаций. Кто-то призывал охранять Дом профсоюзов, кто-то предлагал всем разойтись, так как у нас нет охраны. Часть бойцов увёл Долженков, казаков убрал Луценко, и на поле остались только офицеры из «Чести имею», два десятка мужчин, вернувшихся с Греческой площади, да несколько сотен женщин разного возраста. Наше руководство посоветовалось и решило превратить Дом профсоюзов в «неприступную крепость». Мне и подполковнику Валере выдали бухту «колючки», и мы принялись возводить заграждение. Очень быстро были расцарапаны и поколоты руки, но вход мы обмотали. Даже возле одного из углов Дома смогли создать ограду из проволоки. Затем мы строили баррикаду. Стыд и позор. Камней и песка хватило, чтобы сложить бруствер высотой сантиметров тридцать. Местная кошка, прижившаяся при кухне, свободно перепрыгивала через это «укрепление». Сверху накидали досок и щитов, но вся эта баррикада выглядела жалко и комично. Несколько раз появлялся старенький «Мерседес» Давидченко с «калашом» в салоне. Но куда потом делась машина, оружие и сам Давидченко, мне неизвестно.

А из центра города приходили всё более и более тревожные известия. Вот уже громят витрины магазинов и бьют припаркованные машины. Вот уже кто-то ранен и у кого-то разбита голова. А вот уже сообщение о первом погибшем. И всё это безобразие происходит на глазах одесской милиции. Потом выяснится, что в это время шло совещание чиновников и телефоны у всех были выключены.

Ближе к вечеру поступил приказ занять оборону внутри Дома профсоюзов. Мы стали переносить в холл здания документацию и имущество. В это время я увидел девушку Катю. На мгновение я остановился, вздохнул, вытер пот и потащил тяжеленный ящик с консервами по ступенькам Дома. Мы готовились к обороне, но как её организовать, никто не знал. Без оружия, без навыков ведения уличных боёв, только с лозунгом: «Враг не пройдёт» мы вошли в здание. Через несколько минут показалась орущая и визжащая толпа обезумевших майдауновцев. В одно мгновение наши палатки были сорваны и разодраны. Те камни и булыжники, из которых мы строили баррикады, полетели в нас. Получилось, что мы сами помогли нашим врагам. Град камней заставил нас зайти в глубь здания и забаррикадировать входную дверь. Все кабинеты в Доме оказались заперты, вода была отключена. Было непонятно, что нам делать и куда приткнуться. Руководство «Чести имею» исчезло. Только потом станет известно, что Якименко и Трофимов были на крыше Дома профсоюзов. Якименко выведут в три часа ночи, а Трофимов покинет здание утром, третьего мая. Вместе с ним выйдут несколько спасшихся женщин. Но сейчас, вечером второго мая, когда нас собралось пятеро активистов да десяток пожилых женщин, мы не знали, что нам делать. Никто не имел чётких указаний, кроме одного: «Держать оборону». Чем держать, как оборонять и что делать дальше – никто не знал. В нашем «боевом» арсенале были пара кухонных ножей, несколько сапёрных лопаток и у меня старая советская каска. Остальные надели пластмассовые строительные каски. Вот с таким «вооружением» мы начали защиту Дома. В окна здания полетели камни и бутылки. Видя нашу беспомощность, старое советское здание само организовало свою оборону. От толстых стекол, вставленных шестьдесят лет назад, отскакивали булыжники и бутылки. Мастера-стекольщики постарались на совесть. Но тяжёлые камни продолжали лететь в окна, и в конце концов стёкла не выдержали и посыпались.

Перед зданием и вокруг него бесновалась и кричала орда молодых людей. Горели палатки,

были слышны выстрелы. Внутри здания залетели первые бутылки с горючей смесью. В коридоре заплясало пламя, и сразу за клубился дым. Тяжелые чёрные огромные клубы дыма быстро наступали от центральной лестницы к торцевым окнам. Такого дыма я ещё не видел. Люди, метавшиеся по коридору, хватались за сердце, за лицо, шатались и старались облокотиться о стены.

– Сюда, все сюда! – закричал Валера, втаскивая женщин на лестничную площадку.

– Откройте окно, нам нужен воздух, – какой-то мужчина бросился открывать форточку. Ещё кто-то стал помогать теряющим сознание бабушкам, а удушливый чёрный дым всё продолжал и продолжал наполнять коридор. При очередном вдохе я глотнул его и тут же понял, почему люди держались за стены. У меня было впечатление, что в лёгкие попал чёрный бетон, а не воздух. Этот дым нельзя было выдохнуть, тело стало непослушным, резко подскочило давление. В голове застучали горячие молоточки, и меня кинуло в жар. Мне стало ясно: если ещё раз вдохну этот дым, то упаду и уже не встану. Вслепую, на ощупь, я сделал два шага, и кто-то втянул меня на лестничную площадку. За моей спиной хлопнула дверь, это закрыли вход в коридор.

– Дайте пройти, пустите мужчину к окну, ему плохо, ему нужен воздух, – меня тянули по лестнице и подталкивали к раскрытому окну. Мне стало чуть-чуть легче, но спазм в горле и в лёгких полностью не прошел. Как видно, у меня сильно подскочило давление, лицо просто горело от внутреннего жара.

– Воды, плесните воды, – слышал я, не понимая, что говорят обо мне. Откуда-то появился Валера с ведром воды и обтёр моё лицо мокрым платком. Он вытирал мне щёки и шею, а казалось, что он смывает с меня саму Смерть, разжимает пальцы Костлявой. Она уже держала меня в своих объятиях, но подполковник Валерий помог мне выскользнуть из них. Я смог отдышаться и стал реально воспринимать окружающую обстановку. Вокруг нас творился ад. Из окон здания вырывались огромные языки огня. Центральный лестничный пролёт горел таким жарким и ярким пламенем, как будто это работает мощная сталелитейная домна. На этой лестнице нечему было гореть, там не было никаких горючих материалов, не считая разбросанных бумаг и ковровой дорожки. Только каменные стены да такая же лестница. Несмотря на отсутствие пищи для огня, пламя было огромным, очень яростным, злым и беспощадным. Я увидел, как из горящего окна выпал мешок и упал на асфальт под стенами Дома.

«Откуда там мешки?» – подумал я, и тут страшная догадка поразила меня. Это выпрыгнул из окна живой человек, не выдержав чудовищного жара. На землю Одессы ступил сам Сатана и превратил Куликово поле в преисподнюю, в ад. Люди выпрыгивали из окон, спасаясь от пожара. Разбивались об асфальт, ломали руки и ноги, пытались отползти от бушующего пламени. К ним, израненным и еле живым, бежали майданутые с битами и железными прутьями и добивали под стенами Дома. Наши одесситы, знакомые и совсем чужие мне люди, которые были против укронацистов, горели живьём в адском пожаре. В мирном городе, в городе-герое, сжигали людей на глазах у милиции, на глазах городского руководства да просто на виду у остальных одесситов. Миллионный город струсил перед шайкой заезжих майдаунов. У меня зазвонил телефон. Я удивился, но достал из кармана мобильник.

– Саня, срочно включи телек, – услышался громкий и возбуждённый голос кума Сергея. – Здесь такое творится, такое показывают, что мне страшно. В центре города, на Греческой, был махач, там пацаны подрались, камнями кидались, из автомата стреляли. Теперь показывают Куликово поле, так там всё горит, всё в дыму. Раненых и убитых показывают, – кум перевёл дух. – Скорее включай ящик, такое надо видеть.

– Вижу, всё вижу, – сказал я.

Я видел, как из окна третьего этажа выпал горящий человек, вижу, как по карнизу лезет ещё один несчастный, пытаюсь спастись от мощного пламени, вырывающегося из окна. Там нечему гореть, а пламя как в жерле вулкана, багрово-красное, ревущее и рвущееся вверх с огромными чёрными клубами дыма. В таком огне погибает всё живое, спастись невозможно. От отчаяния, от безысходности люди выбрасывались из окон горящего здания. Никогда, ни в каком самом страшном сне не мог представить себе горящих заживо людей. Людей, летящих живыми факелами из окон, падающих на землю с отвратительным чавкающим глухим звуком. А к этим раненым и умирающим людям будут бежать не санитары с носилками, а твари с битами в руках. И будут добивать ещё живых, но уже искалеченных, обгоревших одесситов. От такого зрелища кровь хлынула в голову, и у меня потемнело в глазах. К таким издевательствам и откровенному жесточайшему убийству людей мы не были готовы. Никто из нас даже не помышлял, что можно заживо сжигать, забивать битами, рубить тесаками и в упор стрелять в своих граждан, жителей одной, когда-то процветающей, а теперь захлёбывающейся кровью страны.

– Вижу, всё вижу, – ещё раз прохрипел я. – Вижу из окна Дома профсоюзов, – в трубке наступила тишина. До меня доносились стоны умирающих, радостные возгласы убийц и рёв возбуждённой толпы.

– Ты где, в Доме профсоюзов? – прервал молчание кум.

– Да, внутри.

– Я за тебя переживаю, я за тебя волнуюсь. Сейчас рюмаху налью, выпью за твоё здоровье.

– Серёжа, ты пей, гуляй, а мне некогда, – досадно и стыдно было за кума. Сколько таких «переживающих» за рюмкой водки я ещё встречу. Они будут сочувствовать, волноваться и очень сильно переживать, но с дивана не сдвинутся. Могут выпить рюмку-другую за твоё здоровье, но на большее не хватает духа. А вокруг полыхало пламя, клубился дым и бесновалась потерявшая человеческий облик толпа майдаунов. Одесситы, мои горожане, продолжали выпадать из окон горящего здания, и к ним бросались звери в человеческом обличье. Обгоревших, переломанных, еле живых людей они добивали битами и железными арматурами. Откуда такая жестокость? Откуда такая ненависть? Как же сильно укронацисты ненавидят другие народы, другую культуру, другой язык. Они ненавидят тех, кто помогал и поддерживал их в тяжёлое время. Ведь мы все одной крови, все славяне. Только у нас есть та самая загадочная душа, которую не понимают иностранцы. И вдруг такой кошмар. Дом профсоюзов продолжал гореть. Но горело не только здание, горел сам союз Востока и Запада Украины, горела дружба между гражданами одной страны. Горела сама страна Украина. В опустившихся сумерках полыхающий Дом союзов выглядел зловеще и ужасно.

По крыше здания метался Юрий Маратович.

– К нам на помощь идёт бригада, – он назвал номер части, – через два часа, нет, уже через час она будет здесь и разгонит всю эту банду. – Трофимов старался поддержать нас. Как видно, он тоже был в шоке от увиденного, хотя и служил в армии.

– Ещё немного, – звучал его голос, – ещё чуть-чуть, и нас освободят, а с бандитами будет покончено. – К сожалению, ни через час, ни через два часа, ни даже через шесть лет с бандой ублюдков покончено не было. Но тогда мы этого не знали, не могли знать. Зато пламя пожара разгоралось всё больше и больше. Огромные бордовые языки огня вырывались из окон. Тяжёлый чёрный дым поднимался к небу.

Вот очередной несчастный сорвался с карниза

и упал на асфальт. К нему бросилось несколько озверевших майдаунов и стали колотить битами. Один из них достал огромный нож и принялся колоть умирающего. Багровое пламя, чёрный дым, вопли майдаунов, стоны погибающих и рёв пожарных машин – сам дьявол шёл по одесской земле и правил кровавый бал. Сколько продолжался этот кошмар, я не знаю. Время для меня остановилось. Я впитывал этот огонь, эту боль, эту смерть людей и понимал – моя жизнь изменилась, я становлюсь другим. В этом пожаре сгорела моя мягкость, моё терпение, моё великодушие. Уже никогда для меня не будет мира, пока по нашей земле ходят нелюди.

Через несколько часов после начала пожара приступили к эвакуации граждан, находящихся внутри Дома. Я увидел группу женщин, стоящих во дворе Дома профсоюзов. Среди них мелькнула Ника, а затем я рассмотрел тёмную копну волос Кати. Сердце ёкнуло. Куда их ведут? Что с ними будет? Как им вырваться из этого ада?

Женщин повели к воротам, и они пропали в темноте. А Дом профсоюзов продолжал гореть. Чистый свежий воздух превратился в грязно-чёрную смесь сажи, копоти, дыма и ещё чего-то неизвестного мне. Казалось, что горели стены здания, что крошился и плавился камень и бетон в этом адском огне. Там, внутри здания, нечему было гореть с таким жаром и так долго. Но ведь что-то горело.

Примерно в одиннадцать вечера начали эвакуировать нашу группу. По узенькой лестнице пожарной машины мы спустились во двор, и нас сразу окружили упыри-майдауны. Подсочил телеоператор с большой профессиональной кинокамерой на плече. Меня удивило, что никто не трогает его, более того, позволяют снимать с разных, удобных ему ракурсов. Он работал несколько минут и только отошёл от нас, как в ворота ворвалась группа Имама. Того самого Имама, с которым я разговаривал утром после встречи поезда. Это был закоренелый фашист-наркоман, явно прошедший спецподготовку. И весь его взвод ему под стать. Каждый под два метра ростом, накачанные, натасканные, жаждущие крови убийцы. Чёрные майки, защитного цвета брюки и тяжёлые берцы. Все как один были в такой форме, а в руках они держали биты. Большие бейсбольные биты.

Нас повели к воротам, к выходу со двора Дома профсоюзов, и тут началось что-то невообразимое и ужасное. Как по команде уроды взмахнули битами, и град ударов посыпался на наши головы, плечи, спины. Боже мой, женщины кричали и

рвались из этой ловушки. Мужчин выдёргивали из общей группы и избивали поодиночке.

Хрясь! В голове загудело. Удар биты пришёлся в край каски, соскользнул с неё и уже на излёте попал в переносицу. Нос был моментально сломан и превращён в лепёшку. Удары полетели со всех сторон.

– На колени, «сепар», на колени, – орали майдауны, стараясь попасть по ногам. Меня тянули куда-то в сторону и били, били куда попало. Каску сорвали, футболку разорвали и всё время требовали стать на колени. Нет, колен не будет, – пронеслось у меня в голове, – лучше умереть, чем стать рабом. Меня повалили в лужу уже на самом выходе со двора здания.

Если я сейчас не встану из этой грязной лужи, если не поднимусь, то затопчут ногами, убьют в этой грязи. Умру лёжа в болоте, забитый дубинами. Не знаю, где взялись силы, но я смог встать на ноги. Смог подняться из грязи и уклонился от летящего мне в лицо кастета, зажатого в кулаке. Сделал два шага в сторону молча стоящей шеренги ментов. Они стояли, закрывшись щитами, и делали вид, что ничего не происходит. От кого вы закрылись? От нас, избитых и раненых куликовцев, от озверевших майдаунов или от того хаоса, в который погружается страна? Окровавленного, с поломанными ребрами, перебитым носом и травмированными ногами меня спас милицкий полковник. Маленький, плотный, он вытащил меня из кровавого ада и довел до «воронка». Подтолкнул внутрь и захлопнул дверцу.

Через несколько минут «воронок» был набит до предела. Мы стояли, плотно прижатые друг к другу. Взревел двигатель, машина дернулась, и мне придавили сломанные рёбра. Из горла вырвался мат и стон. И тут стали все стонать и материться. В темноте тесного, наглухо закрытого ментовского «воронка» колыхалась человеческая масса. Эти люди стонали, ругались и плакали от бессилия, от отчаяния, от безысходности, от предательства и бездарности руководства. Уже потом, когда смог убежать из РОВД, когда смыл с себя грязь, пот и кровь, я посмотрел на себя в зеркало и ахнул. Огромные чёрные синяки на спине и ногах. Сломаны два ребра и ещё два треснули. Перебитый нос потерял нормальную форму, а вокруг глаз чёрные «очки». На голове гематомы с крупный грецкий орех. Дышать не могу, ходить не могу, лежать тоже не могу. Очень старательно пытались выбить из меня любовь к «русскому миру». Но не получилось. Я остался русским. Полтора месяца меня заматывали в простыню, создавая подобие корсета, чтобы срослись рёбра. Сломанный нос я выравнял

ватными палочками, вставляя их в ноздри как можно глубже. Конечно, так делать нельзя, но и лечиться в больницу было опасно, нас искали майдауны и некоторых нашли, и добились прямо в палатах. Ну а раны, синяки и гематомы обрабатывала соседка. Она врач, она знала, что и как лечить.

Четвертого мая, через день после ужасных событий, я с Таней и сыном Никитой отправился на Куликово поле. Тане было стыдно идти рядом со мной, избитым и хромящим, и она шла на три метра впереди. Мне было безразлично её мнение, я делал то, что мне велела моя совесть. Я еле шёл, хромя и задыхаясь, но всё равно шёл, надеясь встретить кого-то из соратников. На свои последние деньги я купил цветы и положил их на ступеньки Дома профсоюзов. Стоял тяжёлый запах гари, крови, боли и... ненависти к украинцам. Было много людей, и горы цветов лежали вокруг обгоревшего Дома. Одесситы пришли почтить искалеченных, раненых и погибших. Знакомых и незнакомых, молодых и старых, депутатов и простых граждан, поднявшихся на защиту родного города от недобитых бандеровцев.

В тот день, четвертого мая 2014 года, я встретил Александра Ивановича, Юрия Маратовича и ещё несколько человек из «Честь имею». Но самое главное, я встретил темноволосую женщину Катю, живую и почти здоровую. Она тоже увидела меня, очень обрадовалась и обняла меня. Сильная боль пронзила тело. Сломанные ребра и синяки тут же дали знать о себе. Я застонал. Женщина испугалась, отпустила меня и отступила на шаг. А мне так хотелось, чтобы она ещё раз обняла меня, ещё раз прикоснулась своими нежными губами к моей щеке. Эта женщина смотрела на меня таким радостным взором, она так обрадовалась, что встретила меня, что мне было чуть-чуть неудобно перед ней. Молодая, красивая женщина, и я... стареющий, переломанный и избитый мужчина. Мне дома много раз говорили, что я никому не нужен. И вдруг такой любовный взгляд, такой нежный поцелуй, такие тёплые и крепкие объятия. Мы ещё поговорили несколько минут, улыбнулись друг другу и расстались. Я медленно поковылял домой залечивать раны.

Одесса, Дом профсоюзов, второе мая 2014 года, вечер, Екатерина

Наша женская группа благополучно покинула горящее здание. Внимание майдаунов отвлёк единственный мужчина, который был среди нас. Небольшой, лысоватый, средних лет мужичок за-

щитил десяток испуганных и растерянных баб. Когда к нам кинулось несколько ублюдков с дубинками, он стал обливать их пеной из огнетушителя. Пена закончилась, и тогда он перехватил баллон за горловину и, размахивая им как битой, отогнал безумцев. Вот так невзрачный мужичок на деле оказался бесстрашным мужчиной. Благодаря ему мы смогли выйти за ограду внутреннего двора и раствориться в темноте парка. А вокруг творилось что-то невообразимое. Багрово-оранжевые языки пламени вырывались из окон, тяжёлый чёрный дым медленно поднимался к небу. Стоны и мольбы о помощи раздавались со всех сторон. Но вместо помощи люди получали удары битами и кастетами. Куликово поле было заполнено кровью, болью, страданиями и смертью. Десятки погибших, сотни раненых и искалеченных, и всё это происходит при полном попустительстве местных властей, на глазах десятков офицеров и сотен рядовых служителей правопорядка. Они должны были защищать честь и здоровье своих граждан, но мы были не их граждане. Одесситы в один миг стали чужими для местной милиции. Зато своими стали пришлые ублюдки-националисты. И не надо никому рассказывать, что не было приказа сверху. Есть долг, честь и совесть, и надо поступать по своей совести, своей чести и долгу. Иногда надо принимать решения самостоятельно, а не ждать указаний свыше.

Как в тумане я пробиралась по парку, окружающему Дом профсоюзов. Треск огня, стоны раненых, хрипы умирающих и крики одурманенных малолетних дебиллов вызывали во мне чувство ненависти к банде, захватившей власть в Киеве. Ведь это с подачи Турчинова, Парубия, Тягнибока и Яроша рекой текла кровь в Киеве, в Мариуполе, в Харькове. Сегодня человеческая кровь течёт в Одессе. К счастью, Крым успели отрезать от Украины, но остальные области остались под националистами. Как выжить тем, ещё советским людям, в этом аду?

Я пробиралась к выходу с Куликова поля и вдруг поняла, что вокруг меня уже не майданутые, а наши, нормальные одесситы. Люди всё подходили и подходили на поле. В какой-то миг мне даже показалось, что вот сейчас соберётся критическая масса одесситов и они накинутся на опьяневших от крови и безнаказанности майдаунов. Сомнут шеренги ментов, затопчут нациков и спасут людей, погибающих в горящем Доме профсоюзов. Ведь там, внутри здания, ещё находились десятки мужчин и женщин, которые погибали от огня и дыма. Но нет, не оказалось лидера, который смог бы повести за собой людей. Не

нашлось того самого народного защитника, предводителя и вождя. Зато у майдаунов есть свои командиры и фюреры. Они уже ворвались в Дом профсоюзов и там устроили резню. Я не выдержала и пошла прочь. По щекам текли слёзы, руки безвольно висели вдоль тела. Я была опустошённая, уставшая и растерянная. Как жить дальше, какую дорогу себе выбрать, какую цель поставить перед собой? Я не знала ответов на эти вопросы. Мне казалось, что сама душа сгорела у меня вместе с моими друзьями.

Неожиданно вспомнила я про сероглазого человека. Ведь он тоже там, внутри здания. Живой ли он, хоть бы не сгорел и не задохнулся в дыму. Мне стало страшно за того малознакомого мне мужчину. Хоть бы он жив остался, пусть раненый, но живой. У меня появилась цель. Мне надо выяснить, жив ли тот мужчина с серыми глазами по имени Александр.

Уже на следующий день, третьего мая, я поехала на Куликово поле. Стояла прекрасная тёплая погода. Чистое небо, яркое солнце, зеленелая трава и деревья. И под этим голубым небом стоит обгоревшее, с выбитыми стёклами, закопчённое и грязное здание Дома профсоюзов. Тысячи людей, горы цветов, запах гари и дыма. Чувство боли, безграничной человеческой боли накрывало всё Куликово поле. Я ходила вокруг Дома. Под ногами хрустели осколки стёкол, иногда попадались гильзы от патронов, были видны тёмные пятна высохшей крови. У меня в голове звучали вчерашние крики и мольбы, стоны и проклятия. Мне стало плохо, и я присела на скамью. Опять потекли слёзы, опять я почувствовала себя опустошённой. В тот день я провела несколько часов на Куликовом поле. Встретила Трофимова, нашлись Ника и Итальянка. Только не было сероглазого мужчины. Неужели он погиб? Я была в отчаянии. Неужели он сгорел в этом адском пламени? Может быть, задохнулся в дыму или выпрыгнул из окна? Мне уже сообщили о погибших из нашей организации «Честь имею». Но точно знали только про Садовниченко, а имена и фамилии остальных погибших были неизвестны. Я решила ездить на поле каждый день, пока всё не выясню.

Как и было запланировано, на следующий день, четвёртого мая, я вновь поехала на Куликово поле. Снова была прекрасная погода. Теплое ласковое майское солнце, прозрачное небо, воздух, наполненный ароматом цветущей акации. Всё было прекрасно, только одесситы не улыбались. Веселая Одесса за одну ночь разучилась смеяться.

Как и вчера, я снова встретила Трофимова и Якименко. Они стояли на том самом месте, где ещё позавчера находилась наша палатка, где мы собирались, где вспоминали счастливую жизнь в Советском Союзе. Теперь всё рухнуло, всё сгорело, всё было уничтожено. В первую очередь были убиты люди, забиты битами и заживо сожжены. А такие, как сучонок Алексей Гончаренко, устраивали фотосессии, ставя свои ноги на обгоревшие трупы. Ему и таким уродам, как он, было весело. У меня снова по щекам потекли слёзы. Снова стали подкашиваться ноги и загудело в голове. Сердце билось где-то в горле, а руки сжимались в кулаки. Злость и жажда мести наполнили меня. Я поняла, что буду бороться против пришлых нелюдей, против киевской банды. Их надо уничтожить, их надо выместить из нашего города, из нашей страны, с нашей планеты. Очнувшись от своих мыслей, я подняла голову и обомлела. Передо мной стоял сероглазый мужчина. Тот самый, которого я так хотела встретить. Раскинув руки, я сделала шаг вперёд, обняла его и ткнулась губами в его щеку. Он дёрнулся и застонал.

– Что случилось? – испугалась я.

– Я ранен, сломаны ребра, перебит нос, – тихо сказал он. Только теперь я увидела огромные синяки у него под глазами и гематому на подбородке. – У меня тело обмотано простынёй, и я еле стою, – он говорил медленно, с трудом открывая рот. – Досталось позавчера, ещё немного, и остался бы там навсегда, – Александр попытался улыбнуться, но у него ничего не получилось.

– Я очень рада, что ты живой, – я дотронулась до его футболки и почувствовала, что он чем-то обмотан. – Я искала тебя, я очень боялась за тебя, – слова сами срывались с моих губ.

– Я тоже рад, что у тебя всё нормально, что ты жива. Мы ещё увидимся, а сейчас я пойду, меня ждут, и мне тяжело, – мужчина ещё раз посмотрел мне в глаза, улыбнулся кончиками губ и медленно, с трудом пошёл к ожидающим его. У меня камень с души упал. Тот, за которого я так переживала, был жив. Пусть раненый, пусть избитый, но живой и несломленный.

Одесса, вторая половина июня 2014 года. Александр

Прошло полтора месяца после тех ужасных майских событий. Полтора месяца боли, стонов, лечения и слёз. Слёз, которые сами собой начинали течь при упоминании о той траге-

дии. В интернете появилась масса видеороликов, посвящённых гибели одесситов. Хвастался сучонок Алексей Гончаренко, поставив ногу на обгоревший труп погибшего. Пиарился сотник майдана Белый, стрелявший в окна Дома профсоюзов. Раздавал интервью Сергей Стерненко, тогдашний лидер одесских «правосеков». Я смотрел эти ролики, плакал от бессилия и боли за свою Одессу, за свою страну и старался найти себе применение. Поехать на Донбасс, где уже вовсю полыхала гражданская война? Но там хватало молодых, здоровых и обученных парней. Зачем им раненый, стареющий мужчина, даже не служивший «срочную». У нас в политехе была военная кафедра, освобождавшая от армии. Кроме того, если уеду я, если уедут другие, то кто будет наводить порядок здесь? Кто будет бороться с нечистью в самой Одессе? Кто должен убирать у себя в доме? В первую очередь, сами хозяева, то есть мы, одесситы.

* * *

Как-то, в конце июня, я шёл по улице Преображенской, бывшей Советской Армии. Я уже мог более-менее нормально ходить, но продолжал ещё носить тугую повязку из простыни. И хотя вдохнуть полной грудью не мог, но всё-таки уже было легче. Так вот, я шёл по бывшей Советской Армии и увидел на стене надпись: «Одесса – это шлюха, стоящая на коленях». Кровь хлынула в голову, в глазах потемнело, в висках застучали молоточки. Мой город, мою любимую Одессу назвали «шлюхой». Город, который давал стране учёных, музыкантов, писателей, врачей и просто замечательных людей оскорбили и унизили. Город, который известен во всём мире своим портом, своим гостеприимством и своим юмором, кто-то позволил себе вымазать дерьмом. Никто из одесситов никогда не скажет такого о своём городе. Можно ругать чиновников, можно ворчать по поводу недостатков в жилищно-коммунальном хозяйстве, но чтобы оскорбить сам город, город-герой, славную Одессу-мату, это уже чересчур. За свой город, за своих одесситов, за свою Новороссию, за свою Россию-матушку, за свой СССР я буду сражаться до конца. Всё, что смогу сделать, сделаю. Жаль только, мало что умею делать, нет армейского опыта и специальных знаний.

Я достал мобильник и набрал Трофимова.

– Алло, – услышал я голос Маратовича.

– Юра, здравствуй, – поздоровался я. – Здесь такая надпись, – и я прочитал ему это убожество.

– Понятно, – произнёс он, – сфоткай и скинь мне. Кстати, ты плакаты умеешь рисовать?

– Да, – коротко ответил я. Все свои курсовые и дипломные работы я писал и чертил сам. Даже помогал некоторым лентяям, зарабатывая на этом.

– Хорошо, – обрадовался Трофимов, – приезжай, надо написать несколько плакатов.

«Вот тебе и первое задание, – пронеслось у меня в голове. – А ты боялся, что ничего не умеешь делать» – окрылённый, я поехал на встречу.

Трофимов дал текст, дал деньги на бумагу и маркеры и попросил не затягивать с исполнением. В первых числах июля планировалась акция возле ОГА (Одесской государственной администрации). Примерно в то же время меня познакомили с блогером Михаилом Одесским. Михаила интересовали подробности событий второго мая. Как начался пожар, как проходила эвакуация и сколько погибло людей. Тогда, в нашу первую встречу, я не знал, что нам предстоит совместная работа, которая изменит всю жизнь. Именно он, Михаил Одесский, начал делать первые репортажи о расклеенных листовках, призывающих бороться с киевской бандой. Он рассказывал об уничтоженных авто с укрофашистской символикой. Он выкладывал фото сожжённых отделений «Приватбанка», принадлежащих Коломойскому. Ведь Коломойский вооружал и содержал добробаты. Те самые добровольческие батальоны: «Донбасс», «Луганск», «Шахтёрск», «Азов», «Айдар», «Днепр-1», которые так охотно убивали мирных жителей Донбасса. Через год, летом 2015-го, всё одесское СБУ собьётся с ног, разыскивая Одесского. К счастью, Михаил успеет уйти, обманув профессиональных контрразведчиков.

Как и планировалось, в начале июля 2014 года прошёл митинг куликовцев возле ОГА на проспекте Шевченко. Там я второй раз встретил Михаила.

– Мы, кажется, знакомы, – обратился я к нему.

– Да, как-то встречались, – подтвердил Михаил.

– Если можно, дайте свой телефон, надо поговорить, – попросил я.

– Номер не дам, а найти меня можно, – и он назвал человека, который выведет на него. На этом наш разговор завершился, но связь была установлена.

Через четыре дня, седьмого июля, эсбэушники арестовали Якименко и Трофимова. Николай, командир боевой группы, скрылся вместе со своими бойцами. Остались Ника, Валера и я. Организация «Честь имею» перестала существовать.

Это был сильнейший удар. Что делать, к кому обращаться, с кем поддерживать связь и как на-

ладить подпольную работу в условиях оккупации, я не знал. Валера предложил сделать самодельную гранату и взорвать её на блокпосту при въезде в город. Раз офицер, подполковник, предлагает такой вариант, то к нему следует прислушаться. Мы начали искать корпус для гранаты, взрывчатку, взрыватель и другие элементы. Сразу возник вопрос финансирования, так как денег у нас не было. Две недели мы тыкались по друзьям и знакомым, но всё было безрезультатно. А тут ещё Валера заявил, что у него тяжело заболела престарелая мать, и он тихо отошёл от попыток что-то делать. Ему очень нравилось давать мне распоряжения и приказы, а самому сидеть на мягком стуле и руками водить, извините, руководить. К концу июля наша совместная работа, не успев начаться, прекратилась.

В то же время я встречался с другими активистами-куликовцами. Но их предложения не вдохновляли меня. Один хотел, чтобы я создал политическую партию, а он возложит на себя «тяжёлую ношу» вождя и лидера этой партии. Другой предлагал поднять вооружённое восстание, имея в своём «боевом» арсенале несколько кухонных ножей и один молоток. Кто-то требовал затаиться и ждать, когда придёт Путин и освободит нас. Конечно, Россия – это очень хорошо, но в своём доме надо самим наводить порядок. Тебе могут помочь, но за тебя никто не должен убирать. В конечном счёте я решил расклеивать агитлистовки против майдаунов. Предложил это делать сообща некоторым куликовцам, но неожиданно получил отказ.

– Это не для нас. Это для пацанов и девчонок. Мы уже давно выросли из коротких штанишек, – говорили они мне. – Мы взрослые, нам надо оружие, обмундирование, полное довольствие и армия.

– Да где я вам возьму эту армию? В какой Караганде? – психанул я и, встав со скамьи, ушёл. Больше с этими умниками я не встречался.

Я написал пять лозунгов-призывов, зашёл к своим друзьям, они набрали текст на компе и распечатали на принтере. Так появились первые пять листовок. Затем я купил тюбик клея ПВА и поздно вечером расклеил эти листовки. Если кто-то думает, что это так легко и просто, расклеивать листовки, то пусть попробует сам. Только надо помнить, если поймают за этим занятием, то пять-семь лет заключения обеспечены. Так что это занятие совсем не такая пустая забава, как кто-то думает, как кажется диванным «хероям».

В пять часов утра, только рассвело, я побежал и сфоткал листовки. Сфотографировал всего четыре, пятую уже сорвали. Днём я связался с Михаи-

лом и попросил о встрече. На следующий день мы встретились. Я показал фото расклеенных листовок и поделился своими планами. Миша сразу понял мой замысел, поддержал его и даже пообещал посильную помощь. Более того, он вывел меня на Нику, которую я знал ещё по «Честь имею». Знал, но потерял все контакты после ареста Якименко и Трофимова. Мы начали действовать. Очень быстро были налажены выпуск и распространение агитлистовок по нашему городу. На остановках городского транспорта, на афишных тумбах, на дверях подъездов стали появляться наши прокламации. Даже в трамваях и троллейбусах катались приклеенные листовки. Ника работала в обладминистрации и вместе с подружкой, Олей-Итальянкой, поставила на поток изготовление листовок. Агитлистовки, направленные против киевской хунты, копировались на ксероксе в самой обладминистрации, под самым носом губернатора Палицы. Вот такие смелые и отчаянные женщины, не чета мужикам, требовавшим сухпай и теплые подштанники.

* * *

Нам надо было собрать группу единомышленников и бить укронацистов. Тем более что Ника познакомила меня с Вячеславом, мастером на все руки. Ему и позывной дали: «Мастер». Мы стали пытаться изготовить горючие смеси и взрывчатку. Вначале ничего не получалось, но мы искали, старались и после недели опытов и экспериментов получили жидкую горючую смесь. Кроме этого, мы изготовили густую пастообразную массу, способную прилипнуть даже к оконному стеклу. Этот самодельный «напалм» горел с такой температурой, что выгорали металлические жалюзи на окнах. Но главное, мы освоили производство сладкого аммонала, взрывчатки. У нас появилось оружие, и сразу возникла новая проблема. К взрывчатке требуется взрыватель, а вот его у нас нет. Правда, сладкий аммонал прекрасно горит, давая мощный столб пламени, и его можно использовать для поджогов. Но, чтобы поджечь аммонал, нужен бикфордов шнур, которого у нас не было. Мастер проявил чудеса изобретательности и разработал свой собственный шнур для поджигания аммонала. Точнее, он изготовил запальную трубку из газетного листа. Мы заворачивали аммонал в фольгу объёмом с мужской кулак, вставляли трубочку, свёрнутую из куска газеты, и поджигали второй конец трубки. Трубка горела примерно тридцать секунд, после чего вспыхи-

вал аммонал. За время горения мы успевали уйти с места работы. К концу августа 2014 года мы были готовы выйти на «работу».

* * *

Первый опыт поджога «Приватбанка» был неудачным. Мы проехали всю ночь на машине по городу и всё никак не могли выбрать объект работы. В конце концов, когда уже решились, нас облаяли собаки, выскочила охрана ближайших ларьков и обстреляла нас из травматов. Облить «горючкой» банкомат и окна «Привата» мы успели, а вот поджечь не смогли. Черного цвета зажигалка выпала из рук, и в темноте её не было видно. Сзади на нас наседали свора собак. Бежали, стреляя на ходу, охранники. Нам пришлось уйти без результата. Мне было стыдно и неприятно рассказывать Михаилу о нашей неудаче, но гладко бывает только на бумаге. Через несколько дней мы со Славой повторили вылазку.

Начало работы. Одесса, Слободка, час ночи второго сентября 2014 года. Мартин (Александр)

Мы шли на встречу с Полковником. У меня в руках были два пакета, один с аммоналовыми шашками и самодельным «напалмом», а в другом лежали платя и балаклавы. Жидкую «горючку» нёс Мастер. Фонари не горели, тротуара не видно, зато тепло и сухо. Переходя через дорогу, я зацепился за бордюр и разбил левый локоть. Хорошо хоть не упал и не раздавил пакетики с аммоналом. Но рука стала болеть, и закапала кровь.

– Вернёмся? – спросил Мастер.

– Нет, нас должен ждать Полковник, – я обтёр локоть носовым платком, и мы пошли дальше.

Через двадцать минут мы были на месте, но ни машины, ни самого Полковника не было. Мастер закурил, а я стоял рядом, обескураженный и не понимающий, что происходит. Старший офицер, подполковник, доверенное лицо руководства «Честь имею» не прибыл на место встречи. Я набрал номер. Телефон был отключён, но тут в темноте переулочка мелькнули огни фар.

– Он, – подумал я и пошёл навстречу машине. Рука продолжала болеть, и я оставил пакеты за мусорным баком, подождут две минуты, потом заберу. Мастер, увидев, что я оставил кульки, рядом поставил и свой. Встречать машину Полковника мы пошли с пустыми руками. Авто быстро приближалось, но это был не Полковник, это был

патруль. Мы остановились. Пэпээсники подъехали, посветили фарами, объехали нас, развернулись и укатили дальше на маршрут. Два трезвых мужика с пустыми руками не заинтересовали ментов. Как хорошо, что мы оставили свой груз в тени мусорных баков.

– Ну что, куда двинем? – Мастер достал сигареты, – или по домам пойдём? – Он щёлкнул зажигалкой и затянулся. Я чётко понял, что если мы сейчас разойдёмся по домам, то больше никогда ничего не сделаем. Две неудачи подряд – это приговор.

– Ты хорошо знаешь Слободку, проведи на Балковскую, – я смотрел на Мастера и ждал. Ждал его реакции, ждал, как он ответит.

– Пошли, – коротко ответил он, отбрасывая в сторону окурки. Мне понравился его ответ, без сомнений, без колебаний, просто и ясно.

Больше часа мы шли по тёмным закоулкам. Когда появлялись машины, нам приходилось прятать пакеты в тени заборов, а затем возвращаться за ними. Болел разбитый локоть, ноги цеплялись за какие-то камни и коряги. Глаза плохо видели в темноте, и я дважды наткнулся на идущего впереди Славика. Но вот мы на Балковской, и теперь я нормально ориентируюсь. Три часа ночи. Редкие машины мчатся по широкой улице, а прохожих вообще нет. В ста метрах светится витрина круглосуточно работающего ларька шаурмы, да подвыпивший мужичок заигрывает с продавщицей «наливайки», а вдруг накапает сто грамм в долг.

Мы подошли к отделению «Приватбанка». Он был хорошо освещен, все жалюзи и роллеты опущены. Входные двери заперты. Над входом мигал глазок камеры видеонаблюдения.

– Будем работать, – сказал я.

– А камера? – удивился Мастер. – Ведь нас увидят.

– Для чего балаклавы и платья? – спросил я и сам ответил, – чтобы нас не узнали. А то, что везде стоят камеры видеонаблюдения, так это все знают. – Я уже натягивал на себя черное платье. Мне пришлось специально поехать на наш, одесский «7-й км», знаменитый «толчок», и купить ткань для платьев и балаклав. Затем отвёз её портному и убедил его, что для театрализованной постановки в школе ребятам нужны костюмы чертей и ведьм. Мне пришлось раскошелиться за эти костюмы, но никто не задавал лишних вопросов. Сложнее было отшить балаклавы, но за деньги их тоже сделали. Я поднял и опустил руки. Защитная одежда была просторная и не сковывала движений. Затем я надел балаклаву и почувствовал, что вышел из одного мира и вошёл в

другой. Абсолютно сознательно было принято решение бороться с украинским национализмом, с бандеровщиной, с майданутыми дебилами и со всеми, кто тянет страну в мясорубку гражданской войны. Моё сердце стучало сильно и мощно. Мысли шли по четко намеченному плану, а тело моментально выполняло команды мозга. Мне казалось, что я наблюдаю за собой со стороны и только даю распоряжения, что делать рукам, куда идти ногам и как смотреть глазам. Я превратился в боевого робота, выполняющего задание. Все остальные мысли и чувства остались за спиной. Был я, бутылки с самодельным «напалмом» и «Приватбанк». И только в животе образовался ледяной комок, напоминающий, что я не машина, а живой человек.

– Готов? – спросил я.

– Да, – Мастер поправил балаклаву.

– Ты поливаешь жидкой «горючкой», а я мажу густым «напалмом», – ещё раз уточняя задание, – затем мы меняемся местами и заканчиваем поливать и мазать. Зажигаем фитили шашек, подбрасываем их под облитые стены и уходим. Всё, что не используем, забираем с собой. Ничего не оставляем и не забываем, – закончил я инструктаж.

– С Богом, – я перекрестился и вышел из тени к залитым светом дверям банка. Я сделал вдох и начал работать. Открутил крышку с бутылки, поднял руку и стал выдавливать густую, пастообразную массу на алюминиевые роллеты. В воздухе запахло бензином. Когда закончилось содержимое первой бутылки, достал вторую и продолжил работу. Мастер стоял рядом и поливал жидкой «горючкой» места, куда не попадала паста.

– Меняемся, – произнес я, и мы поменялись местами. Теперь я мазал банкомат и всё вокруг него.

– Готово, – у Мастера закончилась «горючка». Мы сложили пустые бутылки под дверь банка и достали аммоналовые шашки. В левой руке шашка, а в правой зажигалка. Щелк, и язычок пламени коснулся запальной трубки. «Ш-ш-ш» – зашипела трубка. Внутри неё зажил своей жизнью красный огонёк. Одно движение рукой, и шашка упала под самую дверь банка. Мастер тоже поджёг свою шашку и бросил её под банкомат.

– Уходим, – сказал я, и мы бросились бежать к углу здания. Две чёрные «летучие мыши» бегут по освещённой дорожке вдоль дома.

Только мы завернули за угол, как полыхнуло пламя. Загорелся банк. За спиной раздался лай собак, крики людей... Но мы уже были далеко.

Стаскивали с себя платья, улыбались и поздравляли друг друга с успехом. Пусть маленьким, но успехом. Мы смогли это сделать, смогли пе-

реступить через страх, через лень, через равнодушные. Почувствовали себя не сломленными, не принявшими рабской психологии. Мы были счастливы. Вдалеке послышался рёв пожарных машин. Я обернулся. С моего места не было видно самого пожара, но зарево стояло на весь квартал. И хотя всё тело подрагивало от адреналина, гуляющего в крови, а дыхание было сбито тяжёлым бегом, на душе стало светло и радостно. Эта первая успешная работа свершилась в ночь на второе сентября 2014 года. Эта ночь стала днём рождения диверсионной группы «Призрак».

**Одесса, второе сентября 2014 года.
Михаил Одесский**

Телефон мелодично тренькал, а мне не хотелось просыпаться. Полночи я писал статью, только под утро лёг поспать, а кто-то настойчиво требует, чтобы я взял трубку.

– Пошёл к чёрту, – подумал я и накрыл мобильник подушкой. – Лучше без подушки, чем кто-то будет мешать спать. – Я повернулся на другой бок. Резкая боль в животе заставила меня скорчиться. Язва, будь она неладна. Давно пора идти к врачу, давно пора делать операцию, даже деньги на неё собрал, а всё не получается. Снова раздалась приглушённая подушкой мелодия.

– Да что же ты хочешь? – не выдержал я и взял телефон. Всё равно уже проснулся и теперь не засну.

– Не хотел тебя будить раньше, но на Балковской горит «Приватбанк», – донеслось до меня.

– Какой банк? Какая Балковская? Кто говорит? – я не мог понять, о чём идет речь и кто говорит.

– Посмотри в интернете и всё поймёшь. Кто-то поджёг отделение «Приватбанка» на улице Балковской. Там сейчас менты, пожарные и куча зевак.

– Александр, это ты, что ли? – наконец я узнал говорившего. Это был Александр, участник событий 2 мая, активист организации «Честь имею». – Так, Саша, давай ещё раз, только медленно и четко, – попросил я.

– Хорошо, докладываю, – донеслось из трубки. – На улице Балковской, возле супермаркета, этой ночью горело отделение «Приватбанка». Какие-то неизвестные подошли и скрылись. Всё. Доклад закончен. Подъезжай и посмотри сам.

Я подскочил с тахты. Вот это новость. Это Александр сработал, сработал успешно. Молодец! Сон улетучился, боль в желудке бесследно исчезла. Я стал набирать своих друзей из телеканала «Репортёр». Сегодня, в день рождения Одессы, город-герой получил маленький подарок.

**Одесса, середина сентября 2014 года.
Александр**

После первой успешной работы мы были на подъёме. Слава очень обрадовался небольшой статье, где упоминалось это событие. Статью написал и выложил на сайте «Заря Новороссии» Михаил Одесский. Всё было у нас хорошо, все рвались в драку с укрофашистской нечистью, но тут возник очень серьёзный вопрос: финансирование, деньги. Расходы на первые эксперименты были за мой счет. Потом помог Миша, а затем добавил Слава. Но этого было мало. Производство хорошей «горючки» в объёмах двадцати или хотя бы десяти литров в неделю стоило сотен гривен, а для производства аммонала требовалось хоть какое-то, пусть бытовое, оборудование. Невозможно растереть пестиком в ступке килограммы химреактивов, нужна электрическая мельница. Кроме того, возникли бытовые проблемы. Нельзя днём ходить на работу, а по ночам готовить «напалм» с аммоналом и жечь какие-то объекты. Надо на что-то жить: есть, пить, одеваться, платить коммуналку и содержать детей. Вопрос финансирования лёг тяжёлым бременем на мои плечи. Я составил список необходимого и схватился за голову. Более двадцати наименований различных затрат, начиная от транспортных расходов и заканчивая карточками пополнения счёта.

Этот список можно продлевать до бесконечности. Мне вспомнился один майор, с которым меня познакомили в июле. Он хотел бороться с киевской бандой и искал, с кем можно начать работать.

– Финансирование есть? – был первый вопрос, который он задал.

– Нет, но есть желание бить гадов, – ответил я.

– Будут деньги, обращайся, – сказал майор. – Без денег у тебя ничего не получится, – он встал со скамьи и ушёл не прощаясь. Тогда я не понял его слов, понял теперь, когда реально столкнулся с этой проблемой. Частично помог Одесский. Он позвонил и предложил встретиться. Когда я приехал, он без предисловий вручил мне конверт.

– Здесь восемьсот долларов, – он положил руку себе на живот. – Собирай на операцию, да видно не судьба, – он скривился и сильнее прижал руку к животу.

– Тебе надо лечиться, – я попытался отказаться от денег.

– Молчи и не перебивай, – Миша вздохнул. – Работай, бей уродов, у тебя должно получиться, – он снова скривился. – Собирай группу и бей га-

дов, – он помолчал. – Понимаешь, Александр, – Миша взял меня за локоть, – миллионный город, а никто не поднимается. Кроме тебя есть ещё два-три человека, которые что-то пытаются делать, но миллион людей молчит. Значит, их всё устраивает. Население пьёт, жрёт, гадит и делает вид, что ничего не происходит. – Он на минуту задумался. – Небольшая часть уехала воевать на Донбасс, несколько тысяч убежали в Россию, но остальные молчат, сидят и ждут, когда русские придут. А сами-то что? За бутылку пива держатся да за жёнами прячутся. – Он зло плюнул на землю. – Говорил вчера с одним уже бывшим куликовцем. Так он мне стал рассказывать про двух детей, про больную тещу, про жену, которую очень любит, и даже про кошечку, которая встречает его после работы. Как же он может их всех оставить и пойти воевать. Вот «дядя Вова» придет, и его сильная русская армия разгонит укров. Вот тогда он и развернется во всю свою «богатырскую силу». А пока он подождёт, пересядет тяжёлое время, – Миша перевел дух. – А вот ты не ждешь, когда придёт помощь, ты уже что-то делаешь, – он сжал мой локоть. – Саша, мне надо ехать. Бери деньги и действуй. Если что, я на связи, – мы пожали друг другу руки, и Михаил пошёл на троллейбусную остановку. Я смотрел вслед этому простому одесситу и удивлялся. Человек отдал последнее, что у него было, по сути, отдал своё здоровье ради борьбы с недоносками-нацистами.

Сразу после встречи с Михаилом я отправился на знаменитый одесский «Привоз».

– Почём удобрения? – спросил я у продавщицы семян и саженцев.

– Молодой человек, у меня очень хорошие удобрения. Бросите горсть в землю, и всё само будет расти. Сколько вам дать? Берите побольше, не прогадаете, – торговка протянула мне пакет с удобрениями. – Осенью посыплете землю, а весной вырастут настоящие джунгли, пройти не сможете. – Продавщица подкинула пакет на ладони. – Сколько вам нужно, столько и дам, – торговка ждала моего ответа. Если бы она знала, что мне не землю удобрять, а врагов взрывать, она бы так не улыбалась. Удобрений мне надо было много, но привлечь к себе внимания я не хотел.

– У тещи дача, десять соток. Она хочет вырастить много картошки и помидоров. Сколько надо этой химии, чтобы засыпать весь огород? – теперь уже я ждал ответа.

– Ой, молодой человек, на ваши десять соток надо много, очень много.

– Это не мои сотки, а тещины.

– Но она умрёт, и они будут ваши, – логика торговки была железной.

– Так сколько мне надо удобрений?

– Берите побольше, не ошибётесь, – и она стала выкладывать на прилавок пакет за пакетом.

– Много я не возьму, мне денег хватит только на шесть килограммов, – я стал отсчитывать купюры. На каждую бомбу требовалось три кило удобрений, плюс ещё некоторые ингредиенты. Шесть килограммов удобрений хватит на два заряда.

– Вам надо ещё и жидкую подкормку сделать. У меня есть замечательное средство, – продавщица потянулась к полкам за подкормкой.

– Нет-нет, – возразил я, – мне денег дали только на что-то одно, – положив купюры на прилавок, я стал укладывать пакеты в сумку.

– Заходите ещё, у меня для вас всегда будет что показать, – улыбаясь, пересчитывала деньги торговка.

Теперь мне надо было достать остальные составляющие будущей бомбы. Я отправился на строительный рынок. Ходил долго. Высматривал, приценивался, пока не нашёл нужные мне реактивы и составляющие.

– Мне надо покрасить гараж в серый цвет, – сказал я пузатому мужику, продавцу лаков и эмалей.

– Вот хорошая нитрокраска, – он потянулся к стеллажу и достал банку краски.

– Заказчик хочет, чтобы цвет был серый, как его машина, – на ходу сочинял я. – Что можете посоветовать?

– Возьмите сухой краситель, – он протянул пакет с реактивом. – Но он расфасован по сто граммов и по полкило. Перефасовывать я не буду, – продавец поставил банку обратно на стеллаж.

– А сколько мне надо этого красителя, если площадь ворот около шести квадратов, тем более что красить надо с обеих сторон, то есть примерно десять-двенадцать квадратов. – Мне хотелось, чтобы продавец сам предложил мне большое количество требуемого реактива.

– Граммов четыреста – пятьсот, возьмите полкило и не ошибётесь, – толстяк положил передо мной полукилограммовый пакет с пудрой.

– Я возьму, по вашему совету, полкило, даже больше, но только в стограммовой фасовке.

С этим веществом было очень сложно работать. Одно неверное движение, и одежда, и обувь, и стены помещения были испачканы. Однажды мы прошли через такое приключение и больше не хотели. Не имея опыта, не зная свойств этого компонента, мы с Мастером начали пересыпать его в чашу весов, чтобы отмерить нужное количество. Хорошо хоть догадались де-

лать это в ванной комнатке, прямо в ванне. Вся ванная, стены, пол, даже потолок были перепачканы. Более того, мы сами, наша одежда и обувь были вымазаны жирной пылью. Полдня Слава отмывал ванну от грязи, а я просто выбросил футболку и кроссовки. Но мы не сдались. Раз за разом повторяя наши попытки, мы накапливали опыт и навыки. В конечном счёте производство аммонала было поставлено на поток, и у нас всегда хранилось несколько килограммов взрывчатки, готовой к применению.

К середине сентября Ника нашла ещё одного желающего бороться с украи, Женю. Второго мая ему крепко досталось по голове, и он получил позывной «Битый». Женя имел много недостатков, но их перевесили «колёса». У него была старенькая «копейка». Машина нужна была позарез, и я привлёк его к работе. Буквально через день мы подожгли ещё один «Приватбанк» на Слободке, а спустя пять дней сделали дуплет, два банка одновременно отработали две боевые «двойки». Одна «двойка» – я с Женей, вторая – Лёша с Максом.

Была проблема. У нас не было взрывателей. Я пытался их найти, когда Мастер предложил изготовить ГМТД. Гексаметилентрипероксиддиамин, полное название адской смеси, мог быть использован вместо взрывателя. Но вот беда, изготовить ГМТД может только грамотный химик. Тут нужны специальные знания, умения и оборудование. Слава, мастер-самоучка, взялся выполнить эту работу. И он успешно справился с этой задачей. У нас появилось около десяти граммов очень опасного вещества. ГМТД детонировал от искры, от толчка, просто от резкой остановки машины. Во время изготовления ГМТД произошёл несчастный случай. Недостаточно очищенный препарат самопроизвольно детонировал, и взрывом обожгло Славу лицо и глаз. Мастеру потребовались лекарства, и ему стали делать уколы в глаз, чтобы сохранить зрение. Нужны были деньги, а у меня их не было. Помог Михаил. Мы встретились, и он вручил несколько сотен гривен.

– Передашь Мастеру, пусть лечится, – сказал он, – неравнодушные одесситы дали сколько смогли.

В тот же день я отвёз деньги Славе. А он, несмотря на ранение, помогал мне в работе. К этому времени в нашу группу влился ещё один человек, Игорь. С его слов, бывший капитан третьего ранга, бывший контрразведчик, награждённый орденом ещё в советское время. У него был опыт боевых действий в Югославии, а сейчас он вернулся с Донбасса. Игорь утверждал, что воевал в Сла-

вянке и лично знаком с Гиркиным. А в Одессу вернулся по семейным обстоятельствам, отвоевав сто дней в ополчении. Такие опытные люди очень нужны были в группе. Позывной себе Игорь выбрал громкий: «Кортес». Теперь, когда в группе был боевой офицер, появился транспорт, и есть самодельные взрыватели, можно приступать к более серьёзной работе, чем поджоги «Приватбанков».

Мы решили собрать взрывное устройство. У нас была взрывчатка, два взрывателя и огромное желание бить врагов. Но... никто из нас не знал, как сделать бомбу. Помогли мои знания в электротехнике и опыт работы на заводе. Используя простые предметы домашнего обихода, безобидные повседневные бытовые устройства, нами была разработана схема сборки самодельной бомбы с часовым механизмом. Не буду описывать все сложности, которые возникали при изготовлении СВУ, но к середине октября у нас были собраны первые два самодельных взрывных устройства. Мы были готовы к новой работе.

Первые взрывы. Одесса, поздний вечер 22 октября 2014 года

Тёплый осенний вечер. Я и Битый уже больше часа крутимся на пяточке под паропроводом на Пересыпи в районе завода ЗОР. Наверху, прямо над трамвайной линией, Мастер закладывает наше первое взрывное устройство. У него что-то не ладится. После полученного ожога лица и травмы глаза у Славы резко упало зрение, и он плохо видит, тем более в темноте. Но он самый худой из нас, поэтому полез на эстакаду устанавливать заряд. Я нервничаю, но молча, жду, когда Мастер закончит работу. Женя тоже на взводе и всё время спрашивает, когда Слава закончит и слезет на землю.

– Ну что так долго? – в очередной раз стал возмущаться Битый. – Ну что там делать столько времени. – Женя достал конфетку и стал разворачивать фантик. – Залез, положил, провод соединил – всё, готово, можно уходить. – Он засунул конфету в рот и стал пытаться её раскусить.

– Да ты у нас скоростник, – ответил ему я. – Придёт время, сам попробуешь, каково это – устанавливать мину, – я вздохнул. – Если Мастер перепутает провода или последовательность монтажа, то не только труба будет взорвана, но и мы вместе с ней.

– Ну и что? – не унимался Женя, – всё равно я бы сделал быстрее.

«Поэтому тебе и не доверил, – подумал я, – три кило аммонала – это не шутка, рванёт так, что кишки на деревьях болтаться будут». Глядя на суетливого Женю, я вспомнил, как во время поджога «Приватбанка» на Слободке он отвлек меня и я облил свои перчатки горючкой. В следующее мгновение узкие строительные перчатки вспыхнули прямо у меня на руках. Как я успел стянуть пылающие перчатки со своих рук – не помню. К счастью, кожа не пострадала, но с тех пор я стал осторожней относиться к Жениной спешке.

– Ну когда он уже слезет? – вновь запрочитал Битый.

– Жди спокойно. Когда Мастер всё сделает, тогда и спустится. Вряд ли ему очень комфортно на эстакаде. – Я отвернулся от Жени, не желая слушать его хныканье. В очередной раз проехал патруль, но нас не видно в густой тени куста сирени, растущего возле трубопровода. Наконец заскрипела ржавая лестница и показался Мастер.

– Ну как? – не выдерживаю я.

– Всё нормально, сработает, – говорит Слава.

– Почему так долго?

– Не мог укрепить. Просто положить под трубой, так не будет результата. Пришлось приматывать скотчем к трубе. Но одному это делать неудобно. Поэтому и задержался.

– Хорошо, – одобрил я действия Мастера. – Пошли, поставим второй заряд, – я подхватил пакет со вторым взрывным устройством.

– Может, не надо, – тихо сказал Мастер. – Одного хватит. Я плохо вижу, могу что-то перепутать.

– Я поставлю, – уверяю Мастера. Электрическую схему нашего устройства я разрабатывал сам. – Сколько у нас времени, на сколько поставил таймер? – спрашиваю Славу.

– Примерно тридцать минут, – отвечает Мастер. – Пять минут мы уже проговорили, пять минут на отход, остаётся двадцать минут на установку. Успеешь поставить? – вопросительно смотрит на меня Слава.

– Да, – коротко отвечаю я и лезу под трубы паропровода. Темно, ничего не видно, но это замечательно. Не только нам не видно, но и нас не видно. Скользкий пластиковый баллон с аммоналом пытается выскользнуть из моих рук. Ставлю его на трубу, и он начинает падать. В последнее мгновение успеваю его поймать, но бьюсь головой о бетонную опору. В голове загудело, на лбу вспухла гематома. Стараюсь установить бутылку на трубах, но она постоянно съезжает. Тот скотч, что был у нас с собой, Слава израсходовал наверху, когда укреплял первое устройство. Недолго думая, достаю носо-

вой платок и разрываю его на полоски. Связав лоскутки, привязываю устройство к трубе. Укрепляю блок питания нашего взрывателя и устанавливаю время срабатывания таймера. Электрическая цепь разорвана. Включаю питание взрывателя. Теперь, как только таймер отсчитает тридцать минут, ток побежит по проводу, взорвется ГМТД и сдетонирует аммонал. А сейчас надо уходить. Мастер и я вылезаем из-под труб, зовём Женю и быстро идём к машине. У нас в запасе около десяти минут.

В ночь на двадцать третье октября 2014 года наша группа произвела первый удачный подрыв самодельного взрывного устройства. И хотя из двух закладок сработала только одна, это всё равно был большой успех. Нас стало искать СБУ, мы начали отвлекать на себя силы и средства ВСУ, которые могли быть направлены на Донбасс.

* * *

Резонанс от взрыва трубопровода был весьма значительным. Михаил очень обрадовался и поздравил меня с успехом. Он написал статью об Одесском сопротивлении, о том, что город не сдался, не лёг под укров. Мои ребята, мои товарищи, особенно женская часть в лице Ники, Итальянки и Радистки, тогда ещё просто Кати, радовались больше нас. Может быть, они более эмоциональные, а может, радовались тому, что не ошиблись в нас. Окрылённые успехом, мы активно продолжили работу дальше.

В это же время прибыла первая помощь с Донбасса, из Снежного. Активистка Куликова поля, Снежана, с которой я был знаком до майских событий, привезла шахтные взрыватели. Смелая женщина сумела провезти через десяток украинских блокпостов дюжину настоящих промышленных взрывателей. Сразу отпала необходимость в производстве опаснейшего ГМТД. Чтобы понять всю степень риска, связанного с доставкой тротила, взрывателей и гранат, надо самому побывать в роли курьера-снабженца. Я хорошо почувствовал это на себе, когда вёз тротил, патроны и гранаты. Вёз через восемь блокпостов укронацистов, проходил проверку документов и отвечал на вопросы проверяющих. Вот когда требуются спокойствие и выдержка. Найди они в багаже гранаты или взрыватели, в лучшем случае сдали бы в СБУ, а в худшем завели бы за угол блокпоста и расстреляли.

Снежана привезла взрыватели, но... мы не умели ими пользоваться. Нам сказали, что дос-

таточно одного аккумулятора, чтобы он сработал, но ничего не получалось. Возвращаться к ГМТД не хотелось, и я начал экспериментировать. Опытным путём был установлен вольтаж, при подаче которого срабатывал шахтный взрыватель. Чем выше было напряжение, поданное на электродетонатор, тем надёжнее он срабатывал. Но пока мы дошли до этого, наши устройства не хотели работать. Пять раз мы с риском устанавливали бомбы под опору ЛЭП на «Лиманчике» и пять раз, с ещё большим риском, снимали несработавшие устройства. То низкий вольтаж подан на взрыватель, то заело таймер, и он не замкнул контакты, то холодно на улице и техника отказывается работать. Психологическая атмосфера в группе сильно накалилась. Игорь «Кортес» стал подозревать нас в саботаже и попытался провести расследование. Я пресёк эти попытки, объяснив, что сам участвую в производстве аммонала и в сборке электрической цепи. Более того, тщательно проверяю каждый элемент нашего устройства. Подумав, я пришёл к выводу о конструкторской, то есть моей недоработке. Пришлось серьёзно приняться за модернизацию наших взрывных устройств, применяя метод ФСА (функционально-стоимостный анализ), который изучал в политехе. В результате была проведена модернизация и заменены некоторые элементы. Через два месяца мне пришлось вновь усовершенствовать наше устройство, продублировав датчик цепи. Таким образом, я добился 90%-ного срабатывания наших зарядов.

*** Из материалов уголовного дела
№ 12014160500010747**

Для изготовления зарядов самодельного вещества системы «топливо плюс окислитель» непосредственный изготовитель должен знать исходные компоненты, пропорции между компонентами и порядок получения взрывчатого вещества. Достаточный уровень специальных знаний непосредственного изготовителя представленного взрывного устройства и взрывчатых веществ подтверждается стабильным действием устройства и зарядов во время экспериментального исследования.

**Одесса, начало ноября 2014 года.
Михаил Одесский**

Мне позвонили друзья из «Репортёра».

– Ты суши любишь? – вместо приветствия раздалось в трубке.

– Какие суши? – я не понял, о чём идёт речь.

– Жареные, – раздалось в ответ.

– Да что ты мне голову морочишь! Какие «суши», какие «жареные», – возмутился я.

– Зайди на сайт суши-бара «Чемпион» и всё узнаешь сам, – не прощаясь, мой собеседник отключил телефон. Я вздохнул и сел за комп. Суши-бар «Чемпион», проявляя поддержку майданутым националистам, обновил меню, и теперь в его карту вошли экзотические блюда, а именно: «Сепаратист с жареным лососем», «Жареные тигушки» и «Слава Украине». Кровь ударила мне в голову. После майских событий, после гибели в адском пламени десятков людей смеяться над памятью погибших было откровенным издевательством и кощунством. Я тут же набрал Александра.

– Саша, здравствуй, – поздоровался я, как только он взял трубку. – Ты просил помочь тебе с работой, так вот, могу подсказать, где искать.

– Ты меня интригуешь, – услышал я, – если можно, то поподробнее, а то засиделся, руки чешутся, работать хотят.

– Ты про бар «Чемпион» слышал?

– Нет, по барам не хожу, не нравится.

– Рекомендую, пойди. Там очень интересное меню, думаю, оно тебя заинтересует. Зайди на их сайт и всё поймёшь. – Я знал, что Александр займётся этим баром. Ему, раненному в Доме профсоюзов, лично пережившему тот кошмар, будет очень больно видеть такое меню. Он обязательно придумает, как заставить хозяев бара вести себя уважительно по отношению к одесситам.

Александр

Мне позвонил Михаил и предложил зайти на сайт суши-бара «Чемпион». Понимая, что он не приглашает меня в бар на рюмку чая, а что-то хочет сообщить, я полез в интернет. Каково же было моё негодование, когда я прочитал названия новых блюд этого гнусного заведения. Уже через час я ехал к этой наливайке провести предварительную разведку местности. Я сам горел в Доме профсоюзов, едва живой выбрался оттуда и не позволю издеваться над памятью сгоревших и забитых насмерть одесситов.

Звоню Жене и Игорю, предупреждаю о предстоящей работе. Затем набираю Лёшу и Макса.

- Бить окна умеете? – спрашиваю я.
- Большое, витринное? – спрашивает Макс.
- Довольно большое, но не витрина.
- Умеем, – бодро отвечает Макс.
- Тогда завтра, в девять, – и я назвал место встречи.

* * *

Уже больше часа я смотрю на здание бара, этой дешёвой «рыгаловки» с претензией на крутой ресторан. Переливались разноцветные огоньки над входом в бар, звучала музыка, и время от времени выходил покурить скучающий охранник. Посетителей было совсем мало, их можно пересчитать по пальцам одной руки. Чуть дальше, в трёх метрах от меня, вёл наблюдение Игорь. Женя «Битый» остался в машине. Ему было скучно наблюдать за объектом предстоящей работы, и он решил вздремнуть. Славика я не взял. Он совсем плохо видит, тем более ночью. Молодые ребята пришли с мешком, в котором было что-то тяжёлое.

- Вы что, картошку принесли? – спросил я.
- Нет, – последовал краткий ответ.
- А что же это? – я указал на мешок.
- Открывалка, – лаконично ответили ребята.
- Что? – не понял я.
- Открывалка. Есть открывалка для бутылок, а это открывалка для окон.
- Ключ, что ли? – мне было непонятно.
- Можно и так сказать, – загадочно улыбнулись молодые люди.
- Мне надо, чтобы вы выбили окна, сможете это сделать?
- В лучшем виде, – заверили меня ребята.
- Тогда можете быть свободны, понадобится через два часа, ближе к двенадцати, – я отпустил ребят, чтобы они не маячили на глазах у прохожих, а мы с Кортесом продолжили наблюдение. Когда сложился план действий, мы пошли искать пути отхода. Оказалось, что возле автостоянки расположен датчик движения и при подходе к забору стоянки автоматически включается дополнительный прожектор. Следовательно, при отходе стоянку надо обойти стороной. Это был первый запрет. Второй запрет – это детский сад, расположенный за баром. Там обходит территорию дед-охранник, а с ним бегают собачка. Значит, и в ту сторону уходить нельзя. Мы понаблюдали ещё около часа, изучая окрестности, и наконец план отхода был разработан. Женя перегнал машину в более удобное место, и стали ждать, когда разойдутся немногочисленные посетители. Как обычно, я достал бутерброды и обя-

зательную плитку шоколада. Кортес отказался от хлеба с колбасой и взял только шоколад. Зато Женя «не подвёл», съел и своё, и Игоря.

Ну вот, бутерброды съедены, чай выпит, а бар уже закрылся. Я собрал всех вместе и начал инструктаж.

– Вы двое, – я посмотрел на Лёшу и Макса, – берёте свою «открывалку» и высаживаете три окна. Затем, не дожидаясь команды, уходите. Ваше задание будет считаться выполненным, если будут выбиты три окна. Ясно? – Лёша и Макс кивнули.

– Теперь с нами, – я посмотрел на Кортеса и Битого. – У каждого из нас по паре бутылок с «горючкой» и по паре аммоналовых шашек. Как только наши «орлы» выбивают окна, мы забрасываем «горючку» и шашки. Не забывайте поджигать запальные трубки. – Я вспомнил, как однажды кинул шашку, забыв поджечь трубку. Машину активиста-майdanовца тогда мы всё же спалили, но этот эпизод врезался мне в память. – Всем всё ясно или надо повторить? – в ответ лёгкий кивок Игоря.

– Я иду к первому окну, ты, – протянув Кортесу пакет с боеприпасами, – идёшь ко второму, ну, а тебе достанется третье, – ещё один пакет я дал Битому. – Проверьте, зажигалки у всех есть?

Игорь и Женя полезли в карманы и защелкали кнопками. Весело вспыхнули язычки пламени. Красно-зелёные столбики огня с шипением вырвались из сопла зажигалок.

– Ну, с Богом, – я хлопнул Макса и Лёшу по спине. Они подхватили мешок, в котором лежал кусок бетона, взлетели по ступенькам на площадку и взмахнули своей «открывалкой». Звон стекла, и они уже возле второго окна. Я быстро подсакиваю к разбитой раме. Слышу грохот стёкла следиющего окна и замечаю метнувшуюся тень Кортеса. Поджигаю трубку шашки и бросаю внутрь бара. До меня доносится шум третьего высаженного окна и топот Битого. Поджигаю вторую шашку и бросаю вслед за первой. В зале становится светло от яркого пламени. Слышу звон четвёртого окна, что-то ребята перестарались.

– Уходите! – кричу им и вижу, как два силуэта выпрыгивают с площадки и растворяются в ночи. Откручиваю пробку с бутылки с «горючкой». Резкий запах бензина и растворителя плывёт в воздухе. Бросаю бутылку в окно, а сам перебегаю к четвертому вскрытому окошку. По дороге успеваю заметить, что и у Кортеса, и у Битого всё нормально, пламя весело пляшет посреди зала. Достая последнюю запасную шашку, поджигаю и бросаю внутрь бара. Вслед летит бутылка с «горючкой».

Дело было сделано. Одесса не сдалась. Мой город не «шлюха, стоящая на коленях».

*** ВЫПИСКА ИЗ ИНТЕРНЕТА,
15 ноября 2014 года**

Продавцы «Жареных сепаратистов» поплатились за цинизм.

Одесский суши-бар поплатился за кощунственный маркетинговый ход в виде открытой издёвки над памятью заживо сожжённых в Доме профсоюзов. Неизвестные совершили нападение на суши-бар «Чемпион», который недавно разнообразил своё меню сетами вроде «Жареных титушек» и «Сепаратист с жареным лососем». Как сообщают местные СМИ, представитель Суворовского РОВД города сообщил о том, что кто-то бросил в помещение бара бутылку с порошкообразным веществом. В результате появилось задымление, которое, тем не менее, не привело к полномасштабному пожару. Как сообщается, в баре полностью выбиты окна. Полиция открыла уголовное производство по ч.1 ст. 194 (умышленное уничтожение или порча имущества).

В течение месяца в баре шёл ремонт, а хозяин заведения выступил на своём сайте с клятвенным заверением, что осознал свою ошибку и те, кто допустил такое неуважение к горожанам, уже не работают в его заведении. Такого оскорбления больше не повторится, и господа сепаратисты могут не волноваться. Чувства и память одеситов никто больше не осквернит.

**Одесса, конец ноября 2014 года.
Александр**

Понимая, что поджогами мы не добьёмся какого-либо значительного результата, я усиленно работал над модернизацией конструкции нашей самодельной бомбы. В результате мы получили новое устройство, где применялись шахтный взрыватель и электрические механизмы. Когда замыкалась цепь питания взрывателя, он срабатывал, и тут же детонировал аммонит. Сверкала яркая вспышка, и звучал сочный звук мощного взрыва. В ночь с тридцатого ноября на первое декабря было произведено испытание новой конструкции нашей бомбы. На опоре ЛЭП, где мы установили устройство, был вырван кусок металлической «лапы» метровой величины. Опора не упала, удержалась на оставшихся трёх «ногах». Теперь, имея более надёжное устройство, мы стали искать следующий объект для нападения. Помог Лёша Большой. Он занимался бизнесом и поддерживал наших волонтеров. А ещё он по возможности немного

финансировал нас, так как денег катастрофически не хватало. Лёша рассказал, что на улице Малой Арнаутской, угол Старопортофранковской, открылся магазин «Патриот», торгующий укронацистской символикой. Различные чёрно-красные и жёлто-голубые флаги, футболки с националистическими надписями, майки с трезубом на груди и обязательные вышиванки.

– Скажи, пожалуйста, – обратился ко мне Большой, – нам в Одессе нужна вот такая торговая точка? – Я промолчал, но магазин запомнил. В тот же вечер моя группа выехала на разведку местности. Прежде чем выходить на работу, мы обязательно проводили разведку. Причём я старался задействовать всех участников группы. И с местностью познакомятся, и каждый увидит что-то своё, что ускользнёт от другого. В результате складывалась более полная картина об объекте. Вот и в этот раз каждый из нас походил возле магазина, покрутился по двору, заглянул во все дворовые закоулки и подъезды. Двор как двор. Обычный одесский двор с детской песочницей, обязательной дворовой водопроводной колонкой и небольшой стоянкой для машин. Вот только магазинчик господ Овечкиных с громким названием «Патриот» выбивается из привычного одесского колорита. Проходя в очередной раз по двору, я обратил внимание на небольшое углубление возле последнего парадного. Вот в этом месте можно будет окончательно активировать нашу бомбу. Мы сделали ещё круг по двору и отправились в машину выработать окончательный план действий.

– Пусть люди разойдутся по домам, тогда можно будет приступить к работе, – сказал Кортес. Я согласился с ним, и мы поехали на соседнюю улицу дожидаться своего часа. Битый заехал одним колесом на тротуар, а я достал бутерброды и термос с чаем. Всегда брал с собой ужин, когда намечалась работа. Мы стали жевать бутерброды.

– Можно мне кусочек колбаски без хлеба? – попросил Женя. Он почему-то всегда был голодный. Я молча снял со своего хлеба два куса колбасы и протянул ему.

– А тебе? – удивился он.

– Больше не хочу, дома наелся, – ответил я и достал плитку шоколада. Шоколад я тоже всегда брал, когда предстояло работать.

– Ну, раз не хочешь, тогда я и бутерброд твой съем, – радостно заявил Битый.

– Ешь на здоровье, – и я отдал ему свой пакетик с едой.

– На ещё и мой, – протянул Жене свой ужин

Игорь. – У меня нет зубов, а колбаса твёрдая, сухая.

– Давай-давай, я съем, – челюсти Битого радостно зачавкали.

– Когда-нибудь ты пострадаешь из-за своего желудка, – сказал я, вытирая пальцы салфеткой. Тогда, в декабре четырнадцатого, никто представить не мог, что эти слова окажутся пророческими. Попав в тюрьму, Женя вёл себя не совсем достойно, точнее, совсем недостойно взрослого мужчины. То он требовал от наших волонтеров фруктов, сыра и витаминов, то кричал, что ему не место в тюрьме и его должны выпустить на волю. Пусть сидят те, кому это нравится, он имел в виду меня и Катю – «Радистку». То он заявлял, что вообще не имеет никакого отношения к группе, а только шофёр, водитель машины. Потом, в зале суда, я буду слушать его вопли, и мне будет противно, что этот случайный человек был в моей группе. Что я доверял ему и надеялся на него. А пока он сидел рядом со мной за рулём старой «копейки», чавкал бутербродами и улыбался самому себе. Тут к нам подъехал джип и заблокировал выезд. Оказывается, мы остановились на территории «стометровки», места работы проституток, и вызвали подозрение сутенёра. Нам пришлось переехать на соседнюю улицу. Но как только был заглушён двигатель, к нам направился охранник стоянки. Мы и отсюда вынуждены были уехать, нам не хотелось привлекать к себе внимание. Только на углу Тираспольской и Старопортофранковской мы смогли спокойно ждать своего часа.

* * *

Но вот Одесса затихла. Тёмные улицы опустели. Редкие прохожие торопились домой, и в спину их подгонял холодный декабрьский ветер. В машине было темно, неуютно и сыро. Мы молча сидели и думали каждый о своём. Примерно около двенадцати ночи я решил, что нам пора выдвигаться.

– Главное, чтобы патруля не было, – подумал я, и мы отправились к магазину. Первым шёл Игорь, за ним я с пакетом и замыкающим был Битый. Нам повезло, не только патрулей, но даже прохожих не было в ту промозглую ночь. Мы благополучно дошли до «Патриота».

– Ты ждёшь за углом, – приказал я Битому.

– А сколько ждать? – спрашивает Женя.

– Сколько надо, столько и ждёшь, – не выдерживает Жениной тупости Кортес.

– Понял, стою и жду. А если патруль, что говорить? – Но мы с Кортесом уже уходили в темноту двора, нам некогда отвечать на глупости.

Внутри магазина горел свет.

– Дежурное освещение, что ли, – подумал я, – но тогда почему такое яркое? – Мы не знали, что в ту ночь хозяева «Патриота», господ Овечкины, проводят переучёт. Последний переучёт в этом магазине.

* * *

Взакоулочке между стенами домов стояла полная темнота. Игорь держал бомбу, а мои пальцы скользили по круглому холодному пластику корпуса устройства. Вот они добрались до блока питания и нащупали нужные контакты.

– У меня мерзнут руки и выскальзывает бутыл, – говорит Кортес.

– Не торопи, сейчас закончу, – с тихим щелчком батарейка села в своё гнездо в будильнике. Прислонив ухо к бомбе, я услышал тихое «тик-так». Часы начали отсчитывать последние минуты до взрыва. Я перехватил у Игоря нашу мину, и мы медленно пошли к магазину. Действительно, холодная пластиковая бутылка выскальзывала из рук, и нести заряд было трудно. Кортес шёл впереди, я на два шага сзади. Было страшно. От сознания, что я несу в своих руках Смерть, чуть-чуть подрагивали колени. Шаг, второй, пятый, десятый. Вот уже и магазин. Выбираю окно. Устанавливаю на подоконнике устройство, убираю руки и... еле-еле успеваю поймать нашу бомбу. Пластиковый корпус круглый, и бомба скатилась с подоконника. Мне стало жарко. Ещё раз пытаюсь установить наше устройство, но оно раз за разом скатывается. Время идет, и до взрыва остаётся совсем немного. По спине течёт струйка пота, чувствую себя как в хорошо натопленной парной. Поднимаю с земли камешек и перехожу к другому окну. Здесь подоконник ровнее и шире. Укладываю бомбу и подпираю поднятым камешком. Убираю одну руку, устройство стоит. Убираю вторую руку, бомба осталась на своём месте. Дело сделано, пора уходить. Мы заворачиваем за угол и быстрым шагом идем к машине. Через несколько минут до нас докатился мощный звук взрыва. Третьего декабря 2014 года магазин «Патриот» перестал существовать.

Александр

Яехал на встречу с Михаилом. Настроение было радостным и в то же время тревожным. Радостное, что смогли уничтожить «Патриот». Его разру-

шение вызвало целую информационную бурю. О взрыве говорили по ведущим украинским телеканалам ICTV, ИНТЕР, 1+1 и даже упомянули на российском телевидении. Не о нас конкретно, а о прозвучавшем взрыве, об уничтожении магазина с громким названием. Вот только что был «Патриот», а вот его уже и не стало. Символически как-то так произошло. А тревожило меня то, что мы мирные граждане, не готовые вести борьбу в условиях подполья, что нам приходится учиться по ходу дела, учиться воевать с уже хорошо подготовленным и натренированным врагом. Мы не были готовы ни к физическим, ни к психологическим нагрузкам. Пока отработывали технологию изготовления аммонала и ГМТД, пока накопился опыт производства и сборки взрывного устройства, мы много раз рисковали здоровьем и жизнями. Мастер обжёг лицо и чуть не лишился глаза. Мои руки спасло чудо, когда я успел скинуть пылающие перчатки и они не приклеились к пальцам. Был эпизод, когда при снятии несработавшего устройства, в момент перерезания провода питания взрывателя, подал сигнал таймер. Подал сигнал о замыкании цепи взрывателя. Оказывается, пружина таймера на миллиметр недотянула один контакт до другого, и моё вмешательство придало ему сил. Таймер замкнул цепь питания взрывателя. Ещё мгновение, и произошёл бы взрыв. К счастью, я успел перерезать провод. В другой раз мы с Кортесом снимали ещё одно несработавшее устройство. Когда оно было у меня в руках, ноги заскользили на мокрой глине, и я стал падать. Кортес успел поддержать меня и остановить падение. Такие психологические нагрузки привели к тому, что мне стало страшно нести взрывное устройство к цели. Мне нужна была передышка.

Когда мы встретились, я рассказал о своём состоянии Михаилу.

– Давай прекратим работу, – предложил он. – Тебе надо отдохнуть, у тебя явные признаки переутомления.

– Нельзя, – я помотал головой, – мы только вышли на какой-то уровень, только начали серьёзно работать, и вдруг стоп-машина, задний ход, – я перевел дух. – Понимаешь, Миша, люди нас услышали, укры паникуют, а ты предлагаешь отдохнуть.

– То, что вас услышали, это правда. Столько выступлений, столько публикаций. – Миша посмотрел мне в глаза. – У моей знакомой сын двенадцати лет, так вот, когда он услышал взрыв, стал бегать по квартире и кричать: «Наши идут! Наши идут! Наши танки стреляют!» – и это реакция ребёнка.

– Ну вот, а ты говоришь, чтобы мы отдохнули, – теперь уже я развернулся к Михаилу.

– Так что же делать? – изумился мой собеседник. – Пусть кто-то другой сделает закладку. Почему только ты устанавливаешь взрывчатку? Ведь есть Женя, есть Игорь, есть Мастер, – недоумевал Миша.

– Есть, конечно, есть, – я покивал головой. – Женя единственный водитель с машиной. Если с ним что-то случится, то мы опять останемся без транспорта, – я поёжился. Хоть и не очень холодно, но сыро и ветрено. Стандартная одесская зима, слякотная и промозглая. – Без транспорта нам нельзя, это мы уже проходили, соответственно, Битый отпадает.

– Хорошо, – согласился Миша, – а твой офицер, фронтовик, Кортес, или как там его зовут?

– Игорь, его зовут Игорь, – я засунул руки поглубже в карманы куртки. – Действительно, офицер. Действительно, воевал в Югославии, был в Славянске, знал Гиркина, но он не может устанавливать наши бомбы.

– Что, тоже руки дрожат? – спросил Миша.

– Ещё хуже, – ответил я. – В стрессовой ситуации на него нападает ступор. Он не может принять никакого решения. Тупо стоит на одном месте и только курит, – я вздохнул. – Подозреваю, что если у обычных людей гуляющий в крови адреналин вызывает повышенную активность, то у него, наоборот, блокируются центры управления организмом... – я не успел договорить, как Миша развернул меня к себе.

– Ты хочешь сказать, что твой Игорь, контрразведчик, в трудной ситуации теряет контроль над собой и не может управлять своими действиями?

– Примерно так, – подтвердил я. – Превращается в каменный столб и, кроме как курить, ничего делать не может.

– Его поэтому и попёрли из органов, – безапелляционно заявил Михаил. – Никому не нужен офицер, теряющий себя во время боя.

– Возможно, – согласился я, – но у меня нет другого человека.

– Хорошо, – кивнул Миша. – А что с теми ребятами? С теми, что помогали с суши-баром.

– Ребят трогать не буду. Они молодые, им хочется признания и славы, – я вздохнул, – а мне нужны спокойные люди, которые тихо делают дело и не будут кричать, какие они герои.

– Такие всем нужны, – Миша улыбнулся своим мыслям. – Вот только брать их негде. Ну а что с Лёшей, я имею в виду Большого? – спросил он.

– Его жена просила не втягивать Лёшу в работу. После второго мая она панически боится его потерять, – с ветки сорвалось несколько капель влаги и попало мне на разгорячённое лицо. – Он нам

и так помогает, когда деньгами, когда информацией. Кстати, этого «Патриота» он подсказал.

– Ну что, вообще никого нет? – изумился Миша.
– А я хотел рассказать тебе о волонтерском центре Далии Северин на Адмиральском проспекте. Он так и называется: «Сотня Далии Северин» по аналогии с майданными сотнями.

– Хорошо, надо подумать, – ответил я.
– Тут тебе люди денег собрали, – Миша достал сто долларов, – ну, не тебе лично, а твоей группе.

– Спасибо, – я взял деньги, – понятно, что не мне одному, понятно, что на работу. – Мы пожали друг другу руки и попрощались.

* * *

После встречи с Михаилом я поехал посмотреть на офис Далии Северин. Он располагался на первом этаже бизнес-центра «Адмиральский» и занимал левое крыло здания. Пройдя несколько раз возле бизнес-центра, я обратил внимание на установленные камеры видеонаблюдения, запомнил порожек высотой в две ступеньки и пандус для инвалидов и детских колясок. Также я осмотрел металлопластиковую входную дверь и подоконники. Вовнутрь, в сам волонтерский центр, я не заходил. Затем я походил по окрестностям, отметил двор и железную калитку, выходящую на улицу Краснова в двадцати метрах от волонтерского центра. Закончив первичную разведку, я набрал Битого.

– Привет. Ты сегодня свободен? – спросил я у Жени.

– Я у мамы в Беляевке. Завтра утром буду в Одессе.

– Значит, завтра вечером будешь свободным?

– Да, надеюсь.

– Давай без «надеюсь». Завтра вечером надо выйти на работу.

– Хорошо, буду, – согласился Женья.

Игорь сегодня дежурил на автостоянке, а завтра у него выходной, так что он тоже мог принять участие в атаке на волонтерский центр. Оставался открытым вопрос, кого направить на закладку бомбы, на минирование «Сотни Далии Северин». Решение пришло неожиданно, а что если предложить это сделать женщине, ведь наши активистки энергичнее мужчин. Но кого выбрать: Оля-Итальянка совсем обезбашенная, Ника может испугаться взрывчатки, Снежана уехала лечить больную маму. Остаётся Катя, смелая, умная и спокойная женщина с зелёными глазами. Я снова достал мобильник.

– Здравствуй, – сказал я, услышав её голос.

– Привет, – донеслось до меня.

– Ты сейчас сильно занята или не очень?

– Сейчас занята, но скоро освобожусь, – Катя работала переводчицей. – А что надо сделать?

– Надо подъехать на Адмиральский проспект и походить возле бизнес-центра. Там волонтеры собирают помощь для добробатов и армейцев. Там работает «Сотня Далии Северин». Мне надо всё, что сможешь узнать.

– Хорошо, я поняла. Когда будет готово, я позвоню.

– Спасибо, – поблагодарил я и отключил трубку.

Екатерина

Мне позвонил Саша. Я обрадовалась его звонку, его голосу. Он мне нравился, и я не пыталась этого скрывать. Саша попросил меня походить, посмотреть и рассказать ему всё, что я узнаю про волонтерский центр Далии Северин. Подумав, я решила подойти к этому делу творчески. Я надела мамино длинное чёрное пальто, чёрное кепи-берет и чёрный шарф. Только ботинки остались мои, но они тоже были чёрного цвета. Обычно я ношу яркую одежду, даже зимние куртки у меня желтого и красного цвета. Мне не нравится чёрный цвет, цвет безысходности и отчаяния. Но в этот раз я оделась именно так. Уже выходя из квартиры, я глянула на себя в зеркало и ахнула. На меня смотрела чужая женщина преклонных лет.

– Значит, удачно переоделась, – подумала я. – Запоминаются какие-то особенности, а у меня всё чёрное, и именно это может остаться в памяти.

Сам волонтерский центр мне даже не пришлось искать. Он был напротив автобусной остановки. Пандус для колясочников, крыльцо в две ступеньки, металлопластиковая дверь. Мне хотелось всё запомнить. Я зашла вовнутрь. Большая комната, несколько столов и картонные коробки. Три женщины перебирают вещи, какую-то консервацию и свёртки. Госпожи Северин не было.

– Здравствуйте, – поздоровалась я. – Мне бы хотелось...

Договорить мне не дали.

– Вы хотите помочь нашим героям? – на чистом русском языке спросила у меня небольшая чернявая женщина. – Несите, всё несите, – чернявая повернулась ко мне, – мы и деньги примем, и продукты, и вещи, мы всё берём, – она облизнула губы, как это делают любители спиртного. – Вы приносите, мы разберёмся, – она ещё раз облизнула губы.

Я оглянулась, коробки, консервы, пакеты с продуктами, перевязанные упаковки каких-то вещей

и... над всем этим витал дух наживы. Мне стало мерзко и противно. Мало того что я ненавидела эту власть, развязавшую войну против своего народа, так эти пришлые волонтеры наживались на чьей-то крови, смерти, страданиях.

– Я ещё зайду к вам, – проговорила я и заторопилась на улицу. Холодный свежий воздух остудил меня.

Как можно воевать против собственной страны? Как можно делать деньги на горе, мучениях и бедствиях людей? Но для этих маркитанток всё можно. Пусть всех убьют, всех сожгут, зато им будет сытно и комфортно.

Я села в автобус и поехала домой. На душе было пакостно и тоскливо. В тот же вечер я передала Саше добытые сведения. Более того, найдя в интернете рекламный ролик о работе центра «Сотня Далии Северин», я его скачала и тоже передала.

– Ты молодец, – поблагодарил Саша, – просто молодец. Побольше бы таких, как ты, как Ника, как Итальянка. Завтра ты свободна?

– Работаю.

– А вечером, поздно вечером?

– Да, свободна.

– Поедешь с нами покататься?

Я насторожилась. Предложение покататься поздно вечером мне не очень нравилось. Тем более ещё «с нами».

– Не переживай, никто приставать не будет. Мы покатаемся по ночному городу и затем завезём тебя домой.

Я помолчала, подумала и согласилась.

Одесса, девятое декабря 2014 года.

Александр

Пасмурно, ветрено и сыро. Весь день накрапывает мелкий дождик. Хочется сидеть в теплой квартире и не высовывать носа на улицу. Увы, пока так не получается.

Мы – Кортес, Битый и я – ждали Катю возле Пересыпского моста. Она не опоздала, приехала вовремя и спокойно села в машину. У меня создалось впечатление, что в салоне стало светлее и теплее от её присутствия. Я познакомил Катю с ребятами, и мы поехали на Черёмушки, в район Адмиральского проспекта. Оставив Катю и Женю в машине, я и Игорь пошли на разведку. Мы долго плутали дворами и близлежащими улицами. Игорь всё пытался найти самый лучший, самый оптимальный путь подхода-отхода, делал хронометраж и считал количество машин, проезжающих по Адмиральскому проспекту. Возможно, его этому

учили, даже вполне вероятно, что так оно и было. Впрочем, подход, установка бомбы и отход у меня уже были намечены. В результате Игорь согласился с моим планом, и мы, промокшие и уставшие, вернулись в машину. Но это было не всё. Я решил заранее вынести и спрятать наше взрывное устройство поблизости от объекта. Одно дело, когда идёт мужчина с пакетом в девять вечера, спешит с покупками домой, и совсем другое дело идти в двенадцать ночи и нести тяжелый кулёк. В ночное время прохожих мало, а патрулей много. Я достал баклагу со взрывчаткой и, захватив два литра «хорошей» жидкости, открыл дверцу машины.

– Ты куда? – Битый смотрел на меня широко открытыми глазами. Он решил, что я уже иду минировать офис волонтеров. – Ещё же рано, народу полно.

– Не переживай, скоро буду, – и, захватив пакет, я вышел из машины. Дождь усилился, ветер стал резче и холоднее, но я уже шёл к бизнес-центру.

– Прекрасная погода для диверсии, – подумал я и вспомнил детектив болгарского писателя Богомила Райнова «Что может быть лучше плохой погоды». Похоже, что название романа станет моим девизом. Я благополучно донес свой груз и закопал его в куче листьев, собранных для вывоза на мусорный полигон. Теперь можно спокойно ждать своего часа, не опасаясь неожиданного обыска машины. В конечном счёте трое мужчин и одна женщина не вызовут каких-либо серьёзных подозрений. Вот если трое трезвых мужиков и нет ни водки, ни женщин, то это подозрительно. Я вернулся в машину озябший, но довольный.

– А где пакет? – удивился Игорь.

– Спрятал.

– А если найдут? – не унимался Кортес.

– Не найдут.

– Ты уверен? – не мог успокоиться Игорь. Я промолчал и достал бутерброды. Как всегда, перед работой мы ужинали.

– Шоколадка будет? – тоном избалованного ребёнка спросил Битый.

– Будет, – и я начинаю ломать большую плитку «Короны» с орешками. Мы стали жевать хлеб с колбасой и запивать чаем. Катя отказалась от еды, но взяла кусочек шоколада. Она всё ещё не понимала, зачем её взяли с собой. Обещали покатать по ночному городу, а уже третий час сидим в машине на одном месте. Придётся ей потерпеть, скоро уже начнём действовать. Когда ужин был съеден, а чай выпит, наступило время нашего выхода.

– Ну что, пойдём, – сказал я. – Катя, ты тоже.

Мы вышли из машины под мелкий противный дождик. Ветер, лужи под ногами. Сидеть бы до-

ма в тепле и смотреть телек с банкой пива в руке. Но ведь кому-то надо воевать с нациками, захватившими страну. Вот мы и воюем, как можем и умеем. Мы направились к первой станции Люстдорфской дороги, прошли по Адмиральскому проспекту и, не доходя до улицы Краснова, свернули налево во двор.

– У нас есть желание взорвать волонтерский центр Далии Северин, – сказал я. – Она помогает добробатам, поддерживает войну на Донбассе. Поэтому мы решили этот центр уничтожить. – Я смотрел в зелёные глаза стоящей передо мной женщины. – Ты готова помочь нам?

Прошло мгновение, и Катя кивнула.

– Надо будет заложить взрывчатку, ты не испугаешься?

– Нет, – тихо, но твердо ответила она, – не испугаюсь. – Я смотрел в лицо этой красивой образованной женщины и поражаюсь её мужеству. Из четверых мужчин группы только двое добровольно устанавливали бомбы. Но Мастер пока выбыл из дела, плохо видит после ожога, а у меня явно нервное перенапряжение. Двое других... даже не буду говорить о них. К сожалению, работаешь не с тем, с кем хочешь, а с тем, кто у тебя есть. У меня не было других людей, а расширять состав группы я опасался. Чем больше народа, тем выше вероятность провала.

– Хорошо, – я чуть-чуть улыбнулся. – Сейчас мы тебя замаскируем.

– Нет, не надо. Я надену капюшон, застегну куртку, и меня не узнают.

– Балаклаву наденешь?

– Нет.

– Тогда хоть шарф возьми, лицо закрой, – предложил я.

– Шарф возьму, – согласилась Катя.

– И ещё одно, у нас всех, кто активно работает, есть позывные. Можно, мы и тебе дадим. Назовем тебя «Радисткой», по примеру «Радистки Кэт», связанной Штирлица.

– Можно, – сразу согласилась Катя.

Моим шарфом мы заматали Кате лицо, застегнули куртку и подняли капюшон. Радистка стала похожа на космонавта. Действительно, рассмотреть лицо женщины было невозможно. Теперь пришла очередь включить часовой механизм нашего устройства. Я достал пакет из кучи листьев и показал его содержимое. Мне почудилось тихое изумление Кэт. Она явно не ожидала такого серьёзного подхода к работе.

– Может, пойдёшь в следующий раз? – спросил я.

– Нет, я всё сделаю, – твёрдо ответила Радистка. Я промолчал и стал проводить последние

подключения. Для изоляции скрученных концов провода вместо кембриков я применял коктейльные трубочки. Вырезал гофрированную часть, надевал на провод, производил скрутку и, растянув гофр, натягивал на контакты. Дешево и сердито, а главное – надёжно. Вот и сейчас я скручивал провода, надевал изоляцию и подключал питание взрывателя. Чтобы не ошибиться с полярностью, я подбирал в линию «+» провода только одного цвета, а в линию «-» провода другого цвета. Это разделение по цветам облегчало монтаж устройства. Ну вот, моя работа завершена. Осталось вставить батарейку, и всё, можно минировать волонтерский центр.

– Ты ничего не перепутал? – это Игорь волнуется за правильность монтажа. Никому не хочется взорваться, тем более на собственной бомбе.

– Ничего не перепутал, всё сделал правильно, – тихо отвечаю я. Игорь даже не может себе представить, как у меня натянуты нервы, как стучит сердце и как я ощущаю груз огромной ответственности за жизнь каждого из нас, теперь ещё и Радистки.

– Слушай внимательно и запоминай, – шепчу на ухо Кэт. – Идёшь прямо, подходишь к первой двери, ставишь пакет, разворачиваешься и уходишь. Понятно?

Девушка молча кивнула.

– Повтори. Здесь шесть кило смерти. Повтори, что тебе надо сделать. – Как видно, Катя поняла, что если сейчас заупрямится, то никуда и никогда больше не пойдёт.

– Подхожу, ставлю пакет, разворачиваюсь и ухожу, – повторила Радистка.

– Хорошо, – мне стало ясно, что женщина всё делает как надо. Я вздохнул, достал новую батарейку и вставил её в часы. Прислонив голову к будильнику, услышал радостное «тик-так». Это стал отсчитывать последние минуты до взрыва датчик цели.

– С Богом! – я вручил девушке пакет и поцеловал её в холодную щёчку. – Иди, удачи тебе! – Катя сделала шаг и вышла из темноты двора на освещённую улицу. Она сделала шаг, вышла из обычной жизни и вошла в историю. В историю своего города, своей страны. Она шла к волонтерскому центру, а я наблюдал за ней и проклинал себя. У неё была специфическая походка. Раньше я этого не замечал, не обращал внимания. Зато сейчас, когда она шла по освещённой фонарями улице под камеры видеонаблюдения, мне стало страшно. Все, кто её знал, моментально опознают Катю по походке. Мы скрыли лицо и контуры тела, а по походку совсем забыли.

Тем временем Радистка дошла до дверей волон-

тёрского центра, поставила пакет, хладнокровно поправила торчавшие ручки пакета, развернулась и пошла назад. Вот это выдержка, вот это самообладание. Я был в восторге. Как только Катя поравнялась со мной, я втянул её во двор.

– Ты молодец, ты просто умница, – я ткнулся губами в её мокрую щеку. – Поздравляю с дебютом.

Катя снимала мой шарф и улыбалась.

– Уходим, – я подхватил Радистку под руку, и мы быстрым шагом направилась к машине. До взрыва оставалось двадцать минут.

*Десятого декабря 2014 года около половины второго ночи был взорван офис волонтерской организации «Сотня Далии Северин».

* * *

После уничтожения волонтерского центра «Сотня Далии Северин» в городе поднялась истерика. Укропы требовали от СБУ срочно найти и наказать виновных. «Нэгайно спийматы та сурово покарати» – звучало на всех митингах майданутих. В городском транспорте появились Катини фото с камер видеонаблюдения. По всем местным каналам прокручивали ролик закладки взрывного устройства. Появились баннеры, призывающие к бдительности и просьбой позвонить при малейшем подозрении. Тут же указывались номера телефонов. Майданути «патриоты» сулили значительное материальное вознаграждение за любую информацию о взрывниках. Госпожа Северин давала интервью и жаловалась на непонимание важности её работы. Ведь она собирала «тільки іжу, одяг та бронікі з прицілами для захисників Вітчизни», а её взяли и взорвали проклятые сепаратисты. Теперь «захисники та герої не отримують подарунків до Різдва, Новорічних свят та Святого Миколая». Главное, они не получают касок, бронежилетов и снайперских прицелов. «Мирные» волонтеры закупали оптические и коллиматорные прицелы, чтобы точнее целиться и наверняка убивать людей на Донбассе. Хоть немного, но и мы помогли воюющему Востоку.

Одесса, 24 марта 2015 года, за семь дней до ареста. Александр

Только сегодня мы смогли встретиться с Михаилом. Мне надо было обсудить с ним замену Жени другим человеком, желательно с автотранспортом. Я поделился с Мишей сведениями о сверке документов в компартии, о моих подозрениях по этому поводу и о выводе из состава группы Жени Битога. Лично меня этот Женья окончательно дос-

тал. Миша внимательно выслушал, посмотрел на меня своими умными глазами, снял очки и стал протирать стёкла.

– Уходи, – сказал он. – Тебе надо срочно уходить. Всем твоим людям тоже надо всё бросать и уходить.

– Конечно, надо, – согласился я. Михаил быстро оценил ситуацию и понял, что мы на грани провала.

– Ну, так и уходи, – он надел очки и снова посмотрел на меня. – Своё дело вы сделали, шороху в городе навели, три батальона с фронта оттянули в Одессу, волонтеров прищучили. Пора подумать о себе. Уходи и людей уводи, – он засунул руки в карманы и поёжился. Вторая половина марта две тысячи пятнадцатого года выдалась сырой и холодной.

– В снятии войск с линии фронта заслуга не только моей группы. Ведь, кроме нас, ещё работают люди, – я поднял капюшон куртки, мне тоже стало зябко. – А насчет отхода или хотя бы временно остановиться я полностью согласен. Нам нужна передышка, но... потом, чуть-чуть попозже.

– Саша, Александр, – Миша остановился и взял меня за локоть, – вам необходимо уходить. Срочно. Вам вот-вот сядут на «хвост», если уже не сели. – Миша нервничал, он переживал за нас.

– Подожди, Миша, – я попытался его успокоить. – Ты помнишь ту волонтерскую организацию на Ольгиевской, угол Старопортофранковской?

– Ну, помню. Помню, что говорил тебе не лезть туда, – он снова остановился и посмотрел мне в глаза. – Саша, дорогой мой Александр, товарищ Мартин, забудь обо всем. Тебе и твоим людям надо уходить, надо срочно уходить.

– Хорошо, убедил, – теперь уже я смотрел в его лицо. Стёкла очков чуть бликовали, но мне была видна тревога за нас, плещущаяся в его глазах. – Но перед тем как мы исчезнем, хочу показать тебе один документ. Мой личный финансовый отчет. – Я протянул Мише несколько тетрадных листов в клеточку. Миша поправил очки, взял листки бумаги и стал читать.

– Двадцать пятое ноября две тысячи четырнадцатого года

Первое, расход – тысяча пятьсот гривен Мартин

Второе, расход – девятьсот гривен (Битый 300, Мастер 300, Кортес 300) 27.11.14 г.

Третье, расход – сто гривен (Котовский, лечение)

Четвёртое, расход – четыреста гривен (Кортес, обувь)

– Что это? – спросил Миша.

– Читай дальше, – я ждал, когда Миша закончит знакомство с документом.

– Хорошо, если ты настаиваешь, – и он продолжил читать, только уже про себя.

– А это что? – снова удивился Миша.

Приход – 50 \$ (Миша)

Расход 1. Бензин – 200 гр.

2. Ужин – 100 гр.

3. Химреактивы – 200 гр.

4. Батареи – 50 гр.

5. Премия (Битый, Мартин, Мастер,

Кортес, Радистка) – 500 гр.

Приход: 100\$ (Миша)

Расход 1. Карточка – 60гр.

2. Транспорт – 280 гр.

– Это твои отчёты? – спросил Миша.

– Да, это мои финансовые отчеты перед теми людьми, которые поддерживали группу. Это отчёты перед тобой, перед Радисткой, перед Лёшей и всеми теми, кто помогал нам. Люди должны знать, что их деньги, их помощь не была пропита в кабаках да барах, не была спущена в казино или игровых автоматах. Их деньги, их помощь шла на борьбу с украинским нацизмом, с майданутым отребьем, пришедшим к власти и уничтожающим свой народ, – я перевёл дух. – Здесь, в этих листах, все затраты и все доходы, даже те копейки, которые пришли от Егора. Здесь деньги твоей операции, твоего здоровья. Здесь мой крохотный бизнес и моё золото. Здесь деньги с банковских кредиток. Миша, я гроша не взял на свои нужды, только добавлял, если была необходимость.

– Саша, дорогой ты мой, – не удержался Миша, – я же не обвиняю тебя в растрате, я же не требовал от тебя отчёта...

– А не надо требовать. Сам отчитаюсь по всем затратам, – я перебил Мишу. – Война войной, но деньги любят счёт, а здесь приход и расход по дням за весь период нашей работы. – Мне стало жарко, а Михаил вздохнул и продолжил читать дальше.

– М-да, – произнёс он, возвращая мне листы, – ты ещё раз удивил меня, в хорошем смысле этого слова. Не всем приходила в голову мысль вести учёт затрат, тем более когда никто ничего не требует. Я рад, что не ошибся в тебе. – Миша обнял меня, и, пожав друг другу руки, мы попрощались.

* Двенадцатого марта 2015 года в Одессу прибыла спецгруппа СБУ для выявления и задержания подрывников, полгода терроризирующих город.

Александр Вельможко, редактор газеты «Южный курьер».

28 марта

Дождь лил не переставая. Игорь злился. Ботинки, которые он купил на Привозе перед Новым годом, расклеились и пропускали влагу. Другой обуви у него не было, и приходилось терпеть. А у меня сломался зонт, но купить другой я не мог, опять не хватало денег. Так мы и поехали. Игорь в протекающих ботинках, а я с поломанным зонтом. И ехали мы не в теплой машине, а в холодном трамвае. Мокрые, озябшие, мы добрались до места встречи на Мечникова, недалеко от Одесского морского университета, или просто – Водного института.

– Вы опять задержались, – упрекнул нас Битый, – а здесь патрули ездят.

– Заткнись! – рявкнул Игорь. – У меня ноги по я... мокрые, а ты сидишь в машине и гундосишь.

– Где пакет? – первым делом спросил я, перебивая готовую вспыхнуть ссору. Мне только скандалов в группе не хватало, тем более что мы готовимся подорвать очередную гадюшник.

– Да, вам хорошо, вы налегке, а я вот тут от патруля прячусь.

– Женя, заткнись, пожалуйста, – уже не выдерживаю я. – Где пакет?

– Где? Где? В багажнике, – Женя не понимал, а скорее не хотел понимать нашего состояния. Скорее всего, он провоцировал на скандал, чтобы покинуть группу. Я и так отстраню его от работы, но сегодня нам нужна его машина. Надеюсь, в последний раз.

– Давай пакет, пора начинать работать, – я полез в «бардачок» и достал скотч и ножик. – Давай пакет, чего сидишь? – возмутился я, видя, что Женя не двигается с места.

– Под дождь не хочется лезть. Давай ты сам возьмёшь, – предложил мне Женя.

– Да ты совсем охренел, – не выдержал Игорь. – Мы еле добрались сюда, вымокли, замёрзли, но не жалуемся, а ты два метра пройти до багажника боишься. Что ты о себе возомнил? – Игорь схватил Женю за плечо.

– Перестаньте оба! – крикнул я. – Не хватало подражаться и загреметь в мусарню вместе с аммоналом. Женя, сука, пошли за пакетом. – Я открыл дверцу и вышел под дождь. Следом выбрался Женя.

– На хрен ты так себя ведёшь? – не выдерживаю я. – Не хочешь работать, не надо. Никто тебя просить не будет. Но зачем ты провоцируешь ссору?

– Ну, ты же сам видишь, – стал оправдываться Битый. – Он меня за куртку хватает, рукав дёргает.

– Так ты провоцируешь. Мы полностью вымокли, пока добрались, а ты здесь развалился, и тебе лень выйти из машины, сумку вынуть. Как это называется?

– Ну что, пошутить нельзя? – стал съезжать Женья. – Я же пошёл с тобой.

– Когда пошёл? После скандала! – Мне не хотелось говорить с Битым. Отношения в группе стали ещё хуже, и похоже на то, что пора собирать других ребят. Я достал из багажника сумку со взрывчаткой, и мы вернулись в машину. Холодно, надоевший дождь, плохое настроение и прилипающие к телу мокрые вещи плюс напряжённая атмосфера в группе. Достая бутерброды. Молча жуём хлеб с колбасой. Запиваем горячим чаем и закусываем обязательным шоколадом. По крыше машины стучат крупные капли, а нам надо выйти из уютного салона и провести разведку. Мы выбираемся из машины. Сломанный зонт не спасает от дождя. Поднимаем капюшоны, засовываем руки в карманы и идём к волонтерскому центру. Это не просто центр помощи укровоякам. Здесь собрались сразу три организации. Первая – это «Защита бизнеса – независимый антикоррупционный контроль». Вторая – «Люстрационная комиссия Одесской области», и третья – это волонтерский центр «Гражданский корпус полка национальной гвардии Украины «Азов». Дождь льёт как из ведра. Уже не обращаю внимания на мокрое бельё и промокшие ноги. Мои ботинки тоже не выдержали и стали протекать. На маршруте движения отмечаю дворы, где можно вставить батарейки в часы и сделать последние соединения проводов, заключительный монтаж. Обычно этот монтаж я проводил в машине, но сегодня очень скользко, совсем не видно дороги, и я не рискну нести триста метров взведённую бомбу. Мы подошли к интересующей нас организации. Там ничего не изменилось: вооружённые люди внутри, охрана снаружи в машине, и, главное, «батискаф» продолжает стоять на своём месте. Я был доволен. Хлебная будка, пресловутая МАФ, прекрасно закрывала торцевое окошко здания, а на прожектор и установленную камеру видеонаблюдения я не обращаю внимания. Мы всё выяснили, можно возвращаться. У меня полностью сложился план действий.

– Закрывайте быстрее дверцы, а то вода попадёт в машину. – Женья продолжал провоцировать нас на скандал.

– Ты или заткнись, или я возьму гранату и подорву твою машину вместе с тобой, – не выдерживаю я. – На нас нет ни единой сухой нитки, а ты переживаешь за свою колымагу. Сиди молча и

не мешай работать. – Я отвернулся к окну. Мне было досадно и противно наблюдать, как наш соратник, можно сказать, боевой товарищ, превратился в ноющего и хныкающего капризного ребёнка. И это взрослый, давно разменявший полтинник лет мужчина. – Не хочешь работать, не надо, никто упрасивать не будет, но скулить и устраивать провокации не позволю и портить настроение не разрешу.

– Пока вас не было, здесь дважды проезжал патруль, – нагоняет страху Женья.

– И что, тебя за жопу взяли? – спрашивает Игорь.

– Ну почему сразу «за жопу», – возмущается Женья. – Просто надо встать в другом месте, а то мы здесь как на ладони.

– Ты уже однажды встал, так мы тебя найти не могли, – я намекаю на его самовольный переезд с одной стоянки на другую во время подрыва хостела «Море». – Мы сейчас пойдём минировать, а ты переедешь на Пишоновскую, чтобы потом не разочариваться, – распорядился я. – Только не забудь остановиться, а то домой уедешь. – От Жени можно было ожидать любой выходки. Кортес тихо курил, выпуская дым в приоткрытое окошко. Женья делал вид, что дремлет, положив руки и голову на руль, а я смотрел в окно и считал пешеходов. За сорок минут прошло три человека, и не было ни одного патруля.

– Игорь, пошли, – сказал я. – Людей нет, машин нет, надо идти работать. – Мы вышли под дождь, накинули капюшоны и наглухо застегнули куртки. После этого я достал из салона пакет с аммоном. Кулёчек был увесистый, более шести килограммов, и заметно оттягивал руку. Игорь шёл первым, как бы контролируя ситуацию. В трёх-четырёх метрах сзади шёл я. Скользко, лужи скрывают ямы и колдобины в щербатом асфальте, ноги разъезжаются и цепляются за выбоины. Вот мы прошли один квартал и перешли через дорогу. По мостовой текла полноводная горная речка, увлекая за собой приличных размеров булыжники, закручиваясь в водовороты на люках ливнёвки и пенясь на изгибах дороги. Игорь пытается перескочить самые глубокие места, а я иду прямо по воде. Для меня самое главное – не упасть, поэтому, не прыгая, иду вперед. Обувь и ноги будем сушить потом, после работы. Первый двор, в котором я хотел закончить монтаж, мы пропустили, в темноте проскочили. Второй двор, запасной, оказался закрытым. Ещё час назад ворота были гостеприимно распахнуты, а сейчас висела цепь с замком. Мы пошли дальше в надежде найти другой двор. Но вот уже конец квар-

тала, вот уже оконце, которое так интересует меня, а взвести бомбу негде. Кручусь на одном месте, выискивая, куда бы приткнуться для последних соединений. Полтора метра тротуара, старые дома с окнами, выходящими на улицу, деревья с голыми ветками и какие-то палисадники возле домов. С другой стороны улицы расположена охраняемая стоянка. Все подворотни закрыты, никто не ждёт гостей.

– Давай в следующий раз, – шепчет Игорь. – Ты же видишь, что некуда нам зайти.

– Это тебе некуда зайти, – пронеслось у меня в голове. – Ты, конечно, специалист-контрразведчик, но мыслишь и действуешь шаблонно, как тебя учили. А я самоучка, в политехе не учили конспирации и пиротехнике. Зато там учили находить решения производственных задач, и зачастую совсем нестандартные.

– Идём, нас засекут, – шепчет Игорь. – Мы стоим под камерой.

– Иди, я тебя догоню. – Присаживаюсь на корточки, засовываю руки в пакет и начинаю на ощупь скручивать провода.

– Ты сумасшедший, – слышу голос Кортеса. – Мы же сейчас взорвёмся.

– Уходи, это приказ, – я начинаю злиться на Игоря. – Я догоню тебя, – надевая кембрик, говорю Игорю. Монтаж, последнее соединение проводов, уже завершён. Вставляю батарейку и прикладываю ухо к пакету. Шум льющейся воды заглушает тиканье будильника. Вставляю вторую батарейку. Смотрю на стоящего за моей спиной Игоря. Расширенные глаза и замершее в ступоре тело.

– Игорь, уходи! – уже кричу я и подталкиваю его в спину. Игорь сбрасывает с себя оцепенение и уходит в темноту. Я начинаю действовать по жёсткой программе. Перехожу на противоположную сторону. Подхожу к оконцу. Действительно, высокогато. Цепляю крючок за ручки пакета и подпрыгиваю. Не достал. Игорь был прав. Нас видели охранники на экране монитора. Сначала они удивлялись, что я делаю со своей обувью. Им казалось, что я завязываю шнурки, а на самом деле переводил в боевое положение взрывное устройство, взводил нашу бомбу. Теперь они недоумевали, что за попрыгунчик им пытается подвесить пакет. Но никто из охраны не захотел выходить под дождь, сделать контрольный обход территории. На это и делался расчёт. Господин Овечкин из магазина «Патриот» видел нас, но не вышел. Оба раза охрана видела Радистку, но под дождь им не захотелось выходить и проверять. Были ещё случаи, когда нас засекали камеры видеонаблюдения, но опять-таки работал челове-

ческий фактор, никому не хотелось выходить из тёплого кабинета под холодный дождь. Именно поэтому я любил плохую погоду. Подпрыгиваю второй раз и снова не достаю крючком до переключателя. Расстёгиваю куртку и сбрасываю с головы капюшон. Мне жарко. Кровь кипит от бушующего в ней адреналина. В голове только одна мысль: подвесить бомбу. Готовлюсь к третьему прыжку. Отчётливо чувствую чью-то ладонь на своём плече. Я замер. Неужели это арест? Оборачиваюсь. За моей спиной никого нет. Мне уже не просто жарко, ощущение, будто нахожусь в парилке, забыв снять шубу. Понимаю, что мой ангел-хранитель не разрешает прыгать в третий раз. Устанавливаю пакет на подоконник и быстро ухожу. Только успел сделать два десятка шагов и повернуть за угол, как раздался мощный взрыв. От неожиданности я пробежал несколько метров, а идущий впереди Игорь продолжал шагать как робот. Он был в ступоре и просто механически переставлял ноги.

– Вот это да! – пронеслось у меня в голове. – Ещё десять секунд, ещё один прыжок, и я бы взорвался. Благодарю тебя, мой ангел, за спасённую жизнь! – Я шёл к машине и думал, что сам Господь помогает нам в нашей борьбе. В домах зажигался свет. Люди выходили на улицу, и в их глазах теплилась надежда: «Русские идут, наши в городе».

В тот вечер, 28 марта 2015 года, был уничтожен самый крупный укропатриотический и волонтерский центр в городе.

**Одесса, 31 марта 2015 года.
Александр. Арест**

Дома опять скандал. Таня требует денег, настаивает, чтобы я перестал заниматься подпольной работой. Она боится. Боится за себя, за Никиту. Боится потерять квартиру и имущество. Я её понимаю, но свою борьбу со «свідомой» нечистью не оставляю. Мне пятьдесят пять лет, я советский человек и никогда не приму рабскую идеологию майдануток.

Вчера я провёл весь день с Женей и Игорем. Мы шутили, смеялись, строили планы на будущее. Запланировали серьёзную работу на конец недели. После взрыва на Старопортофранковской, после нервного стресса, у нас пошёл «откат». Необходимо было дать волю эмоциям, сбросить негативную энергию. Именно поэтому мы поехали в Дюковский парк и на пустой площадке смогли выговориться. Я понимал всю глубину их психологической усталости, но пока не мог их заменить. У

меня были очень большие сомнения, выдержит ли Женя хоть ещё одну такую вылазку, такую атаку. Он боялся, боялся перевозить в своей машине взрывчатку. Категорически отказывался ехать, если мы везли наше взрывное устройство. Приходилось или мне, или вдвоём с Кортесом везти бомбу на место работы, а после окончания всех действий трусливый Битый развозил нас по домам. С одной стороны, он как бы не рискует, подвозит случайных пассажиров. С другой стороны, он как бы при деле, участвует в подрыве волонтерских центров. Пристроился, трусливое создание. В последней работе он оставил нашу бомбу у женщины, с которой был знаком всего две недели. Он считал Ольгу, так звали эту женщину, своей невестой, всем рассказывал, что скоро будет свадьба, только Оле забыл об этом сообщить. К счастью, Ольга была «наша» и сохранила взрывчатку. А если бы испугалась, если бы побежала в СБУ и донесла на нас? Ведь нас очень тщательно искали. За любую достоверную информацию о нас предлагалось крупное материальное вознаграждение. Одним словом, Женя «праздновал» труса и его пора было выводить из группы. Вот с такими мыслями я вышел из подъезда своего дома 31 марта 2015 года. Мне надо было к Игорю, хотел обсудить с ним, кем можно заменить Битого, а заодно вез к нему обрез ружья и два патрона. Это было наше первое огнестрельное оружие, которое только вчера я приобрёл у Большого.

– Извините, вы Александр? – обратился ко мне мужчина лет сорока.

– Да, – удивлённо ответил я.

– Позвольте поговорить, это не займёт много времени, – продолжил мужчина.

– Говорите, – я пожал плечами.

– Давайте пройдем к машине, – предложил незнакомец и протянул руку в сторону белого микроавтобуса. Мы сделали три шага и подошли к машине. Распахнулась боковая дверца, и из «бусика» стали выпрыгивать автоматчики.

– Приехали, – пронеслось у меня в голове. Психологически я был готов к аресту. Мне было понятно, что рано или поздно нас арестуют. Ведь против нас, дилетантов, работают профессионалы с неограниченными ресурсами. Люди, техника, транспорт и финансирование – у врагов было всё, а мы возили взрывчатку в трамваях и троллейбусах. Автоматчики окружили меня полукольцом, прижав к микроавтобусу. Мой незнакомец достал удостоверение и сверкнул им в воздухе.

– Следователь СБУ, – он невнятно назвал свою фамилию. – Куда вы направляетесь и что у вас в пакете? – спросил он.

– Иду к участковому сдать обрез, – ответил я.

– Это хорошо, что вы такой сознательный, – изобразил любезность следователь. – У меня постановление на обыск, – он махнул бланком документа перед моим лицом. – Давайте пройдем к вам домой.

– Давайте, – согласился я, хотя моё согласие эсбэушников не волновало. Мы давно были готовы к аресту, ведь любая диверсионная группа работает один раз и уходит. Если группа совершает две диверсии подряд, то это уже много, три – гарантированный провал. Мы работали семь месяцев. Полтора десятка успешных дел, о которых с возмущением рассказывали укроповские СМИ. Даже телевидение России упоминало о борющейся Одессе, о несдавшемся городе-герое. Именно на такой случай, на случай провала, была выработана определённая линия поведения. Как сказал Кортес, из нас добудут информацию. Через уговоры, избиения, пытки или с помощью психотропных средств, но всё, что захотят, всё равно вытянут. Поэтому надо продержаться сутки, чтобы остальные успели уйти. Потом, через сутки, можно говорить что угодно, люди уже должны быть далеко. Суть этой договорённости была проста: если кого-то из нас задерживают, то его жена сообщает жене другого об аресте и человек исчезает.

В соответствии с этим планом я стал действовать, тянуть время. Пока у меня дома заполняли первые графы протокола, эсбэушники нашли собранный блок питания и две пары часов, применяемые в конструкции самодельного взрывного устройства. Мне дали затрещину, потыкали стволами автоматов под рёбра и продолжили обыск. К счастью, они ничего больше не нашли и стали расспрашивать о гаражах и сараях, которых у меня не было. Интересовались моими соратниками, но я сказал, что общался исключительно по телефону. Меня засунули в машину, рядом уселись здоровяки-альфовцы, и я покинул дом, где прожил более двадцати лет. Как оказалось позже, покинул навсегда.

Мы приехали на улицу Еврейскую, в СБУ. Меня провели по запутанным коридорам, подняли на несколько этажей и завели в небольшой кабинет. Два окна, три стола, вдоль стен стеллажи с папками. На одном из столов укреплен чёрно-красный флажок «Правого сектора». Именно за этим столом сидел мужчина, на вид чуть младше меня. У него холодные злые глаза и абсолютно седая голова. Потом я узнал, что это был начальник отдела полковник Кашей Дмитрий Евгеньевич. У него было два позывных: «Седой» и «Бессмертный». Он предложил мне честно написать про

блок питания, кто заказывал, кто платил, ну и так далее, и поскорее возвращаться в семью, под тёплый бок родной супруги и нежное мяуканье котика. Ведь у него тоже есть собака, и он знает, как мы привязываемся к нашим милым преданным животным.

– Ты это, давай, черкани пару слов о своих казачиках, как выглядят, где живут, на чём ездят, – Кашей закурил и придвинул ко мне пачку тонких сигарет. – Напишешь и будешь дальше жить, как и жил. А мы тебе ещё и бабла подкинем за помощь в следствии. – Ему в голову не пришла мысль, что я и есть руководитель, командир той самой группы, которую они так долго ловили. Или они такие бездари, или нам помогал сам Господь Бог в нашей борьбе с укронацистами. Ведь тогда, во время сражения под Дебальцево, укры вынуждены были снять с Донецкого направления три батальона ВСУ и отправить их в Одессу и на границу с Приднестровьем. Они опасались восстания в Южной Пальмире. Следовательно, в какой-то мере мы внесли свой вклад в разгром укропов в зимней кампании 2015 года. Как могли, так и помогали воюющему Донбассу.

Я отказался от сигарет, сказал, что у меня плохой почерк и готов ответить на вопросы. Ко мне придвинули микрофон, и понеслось.

– Имя, фамилия, год рождения, место рождения и так далее. Кто дал задание? Для чего нужен блок питания? Кто научил собирать датчик цели? Где проходил спецподготовку? – вопросы сыпались один за другим. А время шло. Хоть и очень медленно, но всё равно шло вперёд. Задержали в восемь утра. Привезли в СБУ около одиннадцати. Пока я рассказывал о мнимых заказчиках, прошёл обед. Говорить больше нечего, фантазия закончилась, а впереди ещё полдня. Тогда я вызвался показать места, где мне будто бы оставляли материалы и где я забирал причитавшиеся мне деньги. Мы поехали на автовокзал, а затем на Привоз. Эти места я давно наметил именно на случай провала. Минута за минутой, час за часом уходило драгоценное время. Чтобы ещё потянуть время, я предложил Кашею вместо его трёх звёздочек на погонах с двумя просветами две звезды, но погон будет без просветов с золотым шитьём. Я предложил ему звание генерал-лейтенанта в Одесской народной республике. И хоть я не имел никаких полномочий, но семечко сомнения зародил. К вечеру интерес ко мне пропал, и меня отдали следователям. Для меня был важен один вопрос: откуда эсбэушники знали моё описание. Ведь утром, во время задержания, когда произнесли моё имя, они не

спрашивали, они утверждали. Значит, у них было моё описание, мой словесный портрет. Кто мог его дать? Кого ещё взяли?

Новый следователь начал заполнять новый протокол. Опять имя, фамилия, год рождения и т.д. Прошёл ещё час, и меня перевели в кабинет к практиканту, старшему лейтенанту Андрееву. И снова имя, фамилия, место рождения. Я попросился в туалет. Проходя по коридору, увидел в одном из кабинетов Женю. Разгильдяй следом поленился закрыть дверь, и стало ясно, что Женю тоже взяли. Через некоторое время выяснится, что Битого арестовали вечером тридцатого марта и он дал мой словесный портрет. Позже мы узнаем, что Женя подставил Ольгу, у которой однажды оставил взрывчатку. Её спасла случайность: во время обыска завернули угол ковра, но там ничего не было. Другую часть ковра не тронули, а там лежали листовки, которые она собиралась вечером расклеить. Найди эсбэушники эти листовки, и женщина оказалась бы в тюрьме вместе с нами. Но на этом подвиги Жени с позывным «Битый» не закончились. Он дал описание Радистки, назвал улицу, где мы встречались с ней, и указал её примерный возраст. По этим данным наша славная «Радистка Кэт», наша Катя, была арестована двадцать второго апреля 2015 года. Ну а пока старший лейтенант Владимир Андреев медленно вёл мой допрос. Ему было неинтересно, а я только радовался, что за первые двенадцать часов пребывания в СБУ от меня не получили никакой конкретики. Всё изменилось после восьми вечера. Неожиданно в кабинет вбежал полноватый мужчина.

– Володя, я его забираю, – с порога заявил он. – Этот хитрован не тот, за кого себя выдаёт. Пошли, – последнее слово относилось уже ко мне.

– Меня зовут Алексей Николаевич Проскурин, я майор СБУ, следователь по особо важным делам, – представился он. – Вы мне всё расскажете о своей организации, сами расскажете. В противном случае вам помогут рассказать. – Его энергия рвалась наружу, но я молчал. До окончания первых суток ещё оставалось десять часов. Снова, в который раз за сегодня, начали заполнять бланк протокола допроса. Имя, фамилия, год рождения. Где учился, где проходил спецподготовку? Кто курирует, кто финансирует? Я отнекивался, отделиваясь общими фразами. Через час в кабинет зашёл небольшого роста очень полный мужчина.

– Ну что? – он посмотрел на Проскурина.

– Пока ничего, – пожал плечами майор.

– Ты всё расскажешь, ты у меня соловьём петть будешь, – повернулся ко мне толстяк. – Всё выложишь, даже то, что не знаешь, расскажешь. –

Толстяку явно хотелось кинуться на меня, но он себя удержал.

– Продолжай допрос, – бросил он Проскуруину и вышел в коридор.

– Зря упрямышься, – майор закурил и повернулся открыть форточку. – Твои подельники уже дают признательные показания, и все против тебя. Ты, оказывается, командир, тот ещё волчара, а прикидывался овечкой. Нет уж, если такой храбрый, то будь храбрым до конца, наберись смелости и Расскажи всё как есть.

«Так наберись смелости или стань предателем и трусом, – подумал я. – Что значит Расскажи. Это предать всех и вся. Скорее всего, и сам погибнешь, и остальных потянешь за собой», – мои мысли были грустные. К сожалению, мы не всё успели сделать, что планировали.

Ещё около часа следователь с русской фамилией Проскурин увещевал меня всё рассказать, облегчить душу, выговориться и начать дружить крепкой мужской дружбой. Предлагал кофе и чай, готов был сам лично сбежать в буфет и принести бутерброды и пирожные. И купить их обещал за свой счёт, ведь мы почти друзья, и он рад меня угостить. Потом майор перешёл к угрозам, мол, и жену могут посадить, и сына выгнать из училища. Ну а мне, сепаратисту, пятнадцать лет в Дрогобычской колонии будет обеспечено. Я молчал. Надо было тянуть время, а оно, как назло, еле ползло. Надо было дать возможность остальным участникам группы покинуть Одессу, избежать ареста. Часть людей так и сделала, вовремя уехала, а часть группы понадеялась на чудо и попалась.

Около часа ночи, уже первого апреля, Проскуруину надоела безрезультатная беседа, и он вызвал капитана Ислямова. Зашёл какой-то щуплый азиат с мерзкой улыбочкой садиста. Только глянув на него, я уже понял, что меня ждёт. Ислямов сел верхом на стул и сложил ладошки на спинке.

– Ну что, молчим? – спросил он. – Гордый, разговаривать с нами не желаешь. А ведь твой дружок, Игорёк, уже всё рассказал. Да и тот, второй, ну который водитель, тоже болтает без умолку, я даже записывать не успеваю. Смотри, можешь опоздать, будешь отвечать за всех.

Я только пожал плечами. Мне надо было продержаться ещё семь часов.

– Молчишь, строишь из себя героя, – капитан криво усмехнулся, – посмотрим, каким героем ты будешь утром. – Ислямов открыл дверь кабинета. – Конвой, – крикнул он, – этого в спортзал, – и он пошёл к себе. Меня повели куда-то вниз. Я уже знал, какое веселье меня ждёт, какая юморина ожидает меня.

* Председатель областной организации партии «УДАР» Андрей Юсов объявил о вознаграждении в 100 000 гривен тому, кто задержит или предоставит информацию, способствующую задержанию лиц, причастных к организации ряда недавних терактов в Одессе. Об этом он заявил на своей страничке в соцсетях.

«Предлагаю Одесскому городскому голове и председателю областной администрации подержать инициативу и увеличить фонд вознаграждения за задержание террористов. Правоохранительные органы и местная власть демонстрируют полную беспомощность в борьбе с террористами в Одессе», – отметил Юсов.

Одесса. Первое апреля 2015 года, час ночи. «Юморина» СБУ

Я стоял посреди спортзала в подвале СБУ. Четверо молодых крепких парней спустились по лестнице и направлялись ко мне. Камуфляж, берцы, балаклавы – лиц не видно, только глаза блестят в прорезях масок. Этим молодым людям у станков бы стоять, землю пахать, детей растить да страну поднимать, а они хрустят пальцами, разминая кулаки перед дракой.

– Ну что, Санёк, вспомнил? – поинтересовался долговязый, – а то мы сейчас освежим тебе память. – Он затянул поясок на тактической перчатке, помахал рукой. Что-то не понравилось ему, и долговязый расстегнул поясок перчатки. Чуть плотнее всунул руку вглубь, ещё раз потряс кистью и, уже довольный, застегнул поясок.

– Ну так что, вспомнил? – опять спросил он, застёгивая поясок второй перчатки. – Молчишь, брезгуешь говорить с нами, – он кивнул своим друзьям, и те стали обходить меня сзади. – Ну, как знаешь. Мы к тебе со всем нашим радушием, а ты... мразь сепарская... Лови-и-и-и, – заорал он и с разворота нанес удар ногой мне в бедро. Левая нога сразу онемела. Было ощущение, будто треснула берцовая кость. Тут же прилетел удар в затылок. Били сзади. Я даже не видел, кто именно ударил. Голова дёрнулась, в мозгу загудел колокол, и тут посыпались удары со всех сторон. Голова, спина, ноги и грудь – казалось, на теле нет места, куда бы не доставали избивающие меня молодчики. Во рту появился солёный привкус. Это кровь из разбитых дёсен. Я крутился, стараясь уйти от прямых попаданий, пытался прикрыться руками, но получалось плохо. У меня не получалось уклоняться от ударов. Двое били по икрам и бёдрам, пытались свалить меня на пол. Ещё двое наносили уда-

ры в голову и корпус. Они пытались оглушить и ослепить меня, вызвать панику и страх.

– На колени, сепар! – долговязый старался меня унижить. Ему очень хотелось почувствовать своё превосходство надо мной, удовлетворить свой комплекс неполноценности. Он хотел стать властелином чужих судеб.

– На колени, падла! – кричит второй отморозок и делает подсечку. Я падаю на пол, на спину и едва успеваю откатиться от берцы, летящей мне в голову.

– На колени, быстро, – меня дёрнули за куртку, но я повис у них на руках. Куртка не выдержала и порвалась. Я снова оказался на полу. Садисты вывернули мне руки, накиннули на кисти пластиковые хомутики и резко затянули их. Через мгновение я перестал чувствовать свои пальцы, руки стали тяжёлыми и неуправляемыми.

– Ну что, вспомнил? – глухой голос донёсся до меня, – а то сейчас продолжим. – Я ещё успел увидеть взмах ноги, и мои рёбра прогнулись от удара тяжёлой берцы. У меня вырвался стон, в левом боку растекалась жгучая боль.

– Не слышу ответа, – новый удар выбил воздух из лёгких. Я не успел вздохнуть, как получил ещё удар. А затем ещё, ещё и ещё. Удары сыпались с двух сторон. Тяжёлые, вонючие берцы врезались в руки, в рёбра, в ноги. Мною играли в футбол, и я был мячом. Понимая, что ударов не избежать, старался прикрывать голову и живот. Получалось плохо, даже очень плохо.

– Ну ты, сепар недожаренный, – молодчики намекали на второе мая прошлого года. – Ты будешь говорить, – долговязый уселся на меня сверху и стал бить в сердце. Удар за ударом он наносил в одно и то же место. В грудной клетке что-то ёкало, сердце проваливалось, затихало, потом снова начинало работать. Нос был сломан. Во рту полно крови и осколков от сломанных зубов. Сознание то угасало, то опять возвращалось, и я четко видел жуткую картину этой пытки.

– Господи, – пронеслось в моей гудящей голове. – Господи, прекрати это испытание, дай мне избавление. Лучше смерть, чем эти муки. – Я просил у Всевышнего смерти, но, как видно, ещё не пришёл мой час, и избиение продолжилось. На мгновение прекратились удары, и я успел выплюнуть кровь и зубы. Даже успел вдохнуть немного воздуха. Но долговязый уже застегнул раскрывшееся крепление пояса на перчатке и продолжил упражнение по отработке ударов. Теперь он бил в лицо. И снова только в одно место. Я старался повернуть голову, но какая-то мразь держала меня за волосы, а долговязый без остановки наносил удар за

ударом. Из сломанного носа текла кровь. Во рту была каша из пены, крови, зубной эмали и содержимого желудка. Дышать не мог, воздух не проходил в лёгкие. Я задёргался, пытаюсь хоть как-то вздохнуть, и застонал.

– Не понял, говори громче, – этот голос навсегда врезался в мою память.

– Говори громче, Санёк, а то ведь убьём, – новый удар вызвал у меня стон.

– Говори, падла, говори! – орала у меня под ухом. – Говори, иначе убьём. Ты понял, убьём! – меня потрясли за плечо. – Убьём тебя, сепара сраного.

– Давай, Санёк, говори, а то точно убьём, – и чтобы я не сомневался в их словах, звезданули мне в голову. Яркая вспышка в глазах, колокольный звон в мозгах и единственное желание потерять сознание, а ещё лучше сразу умереть. Я закричал и задёргался.

– Не понял, – опять заорали надо мной. – Говори на державноі мові, – садисты-отморозки хотели, чтобы я разговаривал по-украински, хотя сами говорили на чистом русском языке. А я вообще говорить не мог. В горле булькало и хрипело, рот был полон крови и острых обломков зубов. Судороги сводили тело, я не мог вздохнуть и пытался повернуться на бок, чтобы выплюнуть кровь.

– Молчишь, падла, – новый удар в скулу вывернул мою голову. Захрустели шейные позвонки, но мне удалось сплюнуть кровь и глотнуть воздуха.

– Молчишь, гнида сепарская, не любишь рідну мову, – правосек сидел на моей груди и непрерывно бил. Моя голова моталась из стороны в сторону, и мне казалось, что она уже давно оторвалась от тела.

– Не хочешь говорить, – всё больше и больше распаялся молодчик, – я развяжу тебе язык, я тебя научу «Нэньку» любить, – боевик встал с моей груди. – А ну, хлопцы, держите его, он у меня сейчас быстренько обсерется. – Мои стянутые хомутиками руки завели за голову и чем-то зажали. Ноги растянули в стороны и наступили на лодыжки. Мне было непонятно, что со мной делают, но сильнейший удар в пах взорвал новой болью всё тело. От такой боли не было сил даже дёргаться. Да и держали меня крепко. Трое прижимали к полу, а четвёртый раз за разом бил носком берцы в пах.

– Ты полюбишь у меня «Нэньку», – приговаривал долговязый после каждого удара.

«Господи, – взмолился я, – дай мне умереть. Прошу тебя, Господи, пошли мне смерть, ведь нельзя выдерживать такую пытку, такую боль».

– Ну что, Санёк, всё вспомнил, всё расскажешь,

– долговязый устал и тяжело дышал. Через ткань его балаклавы плохо проходил воздух.

– Говори, падла, убью, – у отморозка не выдерживали нервы. – Убью тебя.

Он схватил меня за волосы и стал бить затылком об пол. Я чувствовал, как жизнь уходит из моего тела. Боли уже не было. Я преодолел болевой порог. Теперь сознание жило своей, еле-еле теплящейся жизнью, а тело уже умирало. Сколько времени продолжалось избиение, не знаю, но на какое-то мгновение я пришёл в сознание. Очередной удар об пол. Из носа вылетели окровавленные сгустки, а из горла плеснул красный фонтан.

– Падла! – заорал долговязый, – форму мне загадил. – Он вскочил и в бешенстве заехал мне по рёбрам. Боль вспыхнула с новой силой. Я попытался увернуться, но следующий удар подбросил меня вверх. Дергаясь, я старался увернуться от ударов, но меня держали за руки и всё время топтались на щиколотках.

– Ты у меня обсерешься, старая сволочь, – всё больше и больше распалая себя долговязый. – Ты у меня кровью сосать будешь, – кричал он.

– Говори, сука, говори, – молодой ублюдок снова стал бить меня в пах. Внизу живота горел ярко-белый огонь непереносимой боли. Этот огонь выжигал внутренности, и мне хотелось только одного: скорейшей смерти. В какой-то момент я увидел самого себя с высоты трёх-четырёх метров. Заплывшее, опухшее лицо тёмно-синего цвета, кровавые гематомы, разбросанные по всей голове, набрякшие фиолетовые ладони, перетянутые пластиковыми хомутиками, треснувшие или поломанные рёбра, едва бьющееся сердце и тело, превращенное в один сплошной синяк. В паху бушевало выжигаемое пламя боли. Мои джинсы были в крови. Разорванная куртка и свитер тоже были в крови. Кровь была даже в ботинках, точнее я сам валялся в луже собственной крови.

«Вот и конец», – подумал я, и на душе стало легче. Я даже не понял, что меня уже не бьют. Или я умер, или произошло что-то необъяснимое. Лёжа на полу спортзала Одесского СБУ, я боялся вздохнуть из-за боли в грудной клетке. Боялся пошевелиться из-за судорог в ногах и тяжёлой пульсации крови в голове. Боялся повернуться из-за невероятной боли в паху.

– Дебилы, – расслышал я далёкий голос. – Вы же убили его.

– Нет, – ответил долговязый, – этот живучий, стонал только что.

– А говорить сможет?

– Не знаю, – голос долговязого был презри-

тельный и недовольный. – У нас он стонал, мычал и кряхтел.

– А что рассказал?

– Я же говорю, стонал и молчал.

– Ну хоть обгадился?

– Не похоже, запаха нет. Даже не обоссался.

– Плохо работали с ним. Жопу не пробили, яйца не отбили, сведений не получили.

– Пусть следаки попробуют с ним поработать, – долговязый переступил с ноги на ногу. – Целый день с ним возились, ничего не добились.

– Слышь, Санёк, – обратился ко мне долговязый, – говорят, нам надо продолжить беседу. Ты как, готов? – Мне было всё равно, сейчас умереть под ударами этих недоносков или чуть позже от полученных травм. Я уже просил у Бога скорейшей смерти.

– Всё, хватит, работать не умеете. Проскурин будет недоволен. Внешний вид испортили, а результата нет. Поднимайте его. – Меня ткнули бо-тинком в бок.

– Вставай, хорош валяться, не дома на диване, – и меня ещё раз толкнули в ребро.

– Так, чтобы через десять минут он был у Проскурина.

Восемь часов утра. Я продержался те самые сутки, о которых мы договаривались ещё в конце декабря. Продержался сутки, чтобы остальные смогли уйти. Мне могут не поверить, но я был счастлив, что сумел продержаться, сумел выстоять. Вот так для меня начался День смеха, день «Юморины» в 2015 году. Впереди ещё были допросы, предательство, тюрьма и помощь от незнакомых мне людей. Впереди был обмен пленными и счастливая жизнь с любящей женщиной.

*Пытки в СБУ вылились в неправильно сросшиеся носовые перегородки, затемнения в лёгких и образование кисты над селезёнкой. Несколько месяцев ходил «до ветру» кровью. Зубы лечил уже после обмена пленными.

Одесса, СИЗО. Июль 2015 года. Первый корпус, «котловая» хата

– Ты, старая гнида, бабло дай людям, людей «греть» надо. Ведь люди страдают за тебя, муки терпят, – худой, конченный наркоман Андрей, носящий навес «Кипиш», всё больше и больше заводил себя. Круглые глаза, крохотные точки зрачков, перекошенный рот и брызжущая, вонючая слюна должны были запугать новичка. Должны были выжать из Деда деньги или ещё что-то нужное для криминала. Ведь у запуганного арес-

танта можно отобрать дом, квартиру, машину, бытовую технику и другое имущество. Главное – запугать арестанта, а дальше дело пойдёт по накатанной колее.

– Ты, трухлявая пенсия, – Кипиш согнулся пополам, заглядывая в глаза сидевшему на нарах Деду. – Где бабло, где «хрусты» ныкаешь?

– У меня нет денег, – Александр не отводил глаз от зрачков Кипиша.

– Как нет? – Кипиш аж подпрыгнул. – Как нет? Да тебе за каждую акцию по десять-пятнадцать «тонн» зелени отваливали, а у тебя целая куча эпизодов. Да у тебя бабла хоть жопой жри, – зрачки Кипиша превратились в крохотные точки, а изо рта воняло как в грязном общественном туалете. Нет, в сортире воняет меньше, даже в грязном.

– Ты «жирный бобёр», а «морозишься». Надеешься на «морозе» весь срок проехать, дурачком прикидываешься. Не получится! – заорал Кипиш. Из его гнилого рта фонтаном брызнули слюни.

– Не плюйся, – Дед вытер вонючие брызги и осмотрел хату. Камера была большая, около сотни квадратных метров. Рассчитана она была на тридцать два человека, а содержалось всего девятеро. Сепаратист Александр, получивший тюремный навес «Дед», и восемь ярких представителей криминала.

«Интересно они распределились, – подумал Дед, – такое впечатление, что я и Кипиш на сцене разыгрываем спектакль». Двое приближённых «шестёрки» находятся в партере, двое «коней» отошли подальше на галёрку и трое последних заняли ложу. Они были местной элитой. Намик, Дато и Резо. Положенец Дато смотрел за первым корпусом. Положенец Намик смотрел за всей тюрьмой, а Резо помогал им в работе.

– Что? – не понял Кипиш, сбитый с толку спокойствием Деда. – Да я тебя сейчас обоссу, – Кипиш сделал жест, будто расстёгивает гультфик. – Да я тебя из хаты «выломаю», на продоле жить будешь, – хрипел наркоман. – Да для тебя «козлятия» раем покажется. Ты, старый, ещё заслужи «козлятию», – Кипиш сглотнул слюну.

– Ты про карточку, про карточку поинтересуйся, – тихо подсказал Коля-Молдаван.

– Ой, точно, – обрадовался Кипиш. – Так, старый, нет бабла, так карточку давай.

– Какую карточку? – не понял Дед. – Мою фотокарточку?

– Ты что, полный придурок или нас за идиотов держишь? – Кипиш побелел от злости. – На хер мне твоя фотка, я и так твою морду каждый день вижу. Пенсионную карточку, пен-си-он-ную, – по складам произнёс Кипиш.

– А её у меня нет. – Дед пожал плечами.

– Как нет? – Кипиш крутанулся на одной ноге и почесал свой зад. – Как нет? – повторил он. – Ты же старый, сколько тебе лет?

– Пятьдесят пять, – ответил Дед.

– Ну вот, вышел на пенсию, должна быть карточка.

– Не вышел я на пенсию, нет у меня карточки.

– Нет карточки, квартиру продай, но людей «согрей», им плохо, они страдают за тебя, – Кипиш стал повторяться.

– Нет у меня квартиры, – спокойно ответил Дед.

– А где она или ты на улице жил? Говори, падла, на улице жил? Бомжём был? – Кипиш снова согнулся, заглядывая в глаза Деду, и снова почесал зад.

– Нет, на улице не жил, жил в квартире.

– Вот я и базарю, что хату надо «пихануть», а бабки людям дать, чтобы и они чифирь попили, пряников с салом пожевали, сигаретку покурили да расслабиться смогли.

– Нет квартиры, – в который раз повторил Дед. – Вообще ничего нет.

– Да куда же делось всё твоё добро? – зашипел Кипиш. – Говори, сепар, говори, пока я тебя на кол не посадил.

– Всё забрала СБУ.

– Кто? – не понял наркоман. Троица положенцев внимательно смотрела это представление и тихо перешёптывалась.

– Служба безопасности Украины, – расшифровал Дед. – У меня ничего нет, вообще ничего.

– Молчу, пусть почку продаст, – снова подсказал Молдаван.

– Точно, – подхватил Кипиш. – Продай почку. Две почки – это много, тебе и одной хватит, – блеснул познаниями в анатомии наркоман.

Дед напрягся, сжал кулаки и молча наблюдал за подпрыгивающим и постоянно почёсывающим зад Кипишем.

– А ведь у него глисты, – подумал Дед, а вслух сказал: «Зайдёт передача, положу на «общак», а больше у меня ничего нет».

– Ты, гнилой сепар, к людям уважуху не проявляешь. – Кипиш довёл себя до точки кипения. – Да я тебя сейчас...

– Оставь его, – неожиданно раздался голос Намика. – Он из другого мира. Он объекты взрывал, смерть в руках носил, а ты его криком и голосом испугать пытаешься. Иди сюда, курни, есть «пятка» для тебя.

Напряжение в хате моментально упало. Кто-то закурил, кто-то включил чайник, кто-то пошёл на парашу. Кипиш зарядил «бульбулятор», и потяну-

ло удушливо-сладковатым дымом травки. Впереди у Деда было четыре с половиной года тюрьмы.

* Малявки (записки) Жени «Битого» Деду «Мартину», переданные по «кабурам» или через «козлов» – баландёров.

№ 1. «Саня, будешь связываться с мамой, пусть мне не передаёт жирного ничего типа сала подчёрёвка или колбасы с салом. Меня устроит пару кило яблок и др. овощей, фруктов, постное (пусть и копчёное) мясо, сыр. Надо бумага туалетная, зелень и можно сушню... Почему к маме вопрос? Ну я так понял, что она взяла функции волонтера и ей там доверяют. Хочется, чтобы деньги тратились на еду, которая ценна и доставляет удовольствие, ну и не вредит. Всё! Спасибо!» 12.05.2016 года.

№ 2. «Саня! У тебя есть ещё сигареты? Дать доктору хотя бы что-то, а то вижу в лице неудовлетворённость и усталость от меня... Ты созвонивался с Надей? Не спрашивал, что происходит?!!! Почему мама должна тратить свои деньги?!!! Я, если увижу Надю, в суде обязательно обо всём скажу ей и Нине тоже. Фактически 3-й месяц пошёл, как от Нади нет её обычных передач с сигаретами, стиральным порошком, мылом, приправами и др. сыром, печеньем. Спился с Игорем, поручил ему позвонить Наде, думаю у них с передачами порядок, а мы «прокажённые»... Саня! не игнорируй меня! Тебе что, трудно это сделать? Или есть какая-то другая причина твоей пассивности? На тебя это не похоже. 246 Деду». 13.05.2016 года.

№ 3. «Саша! Тебе уже известно, когда суд? Или всё-таки обмен? Передачу получил – сосиски, лук зелёный, масло – его тоже не обязательно, я его тоже не ем, лучше вместо него – сыр. А также чай получил, морковь, капусту, всё это я получил. Спасибо. х.т. 246 Деду». 26.05.2016 года.

Одесса, СИЗО, первый корпус, июль 2015 года

– Эй, Дед, тебя опять вызывают к следаку, – Дато сделал два шага от «брони» в сторону шконки Деда. – Что-то зачастили к тебе менты. Наверное, стучишь на нас, вот они и бегают к тебе. – Дато, положенец, смотрящий за первым корпусом Одесской тюрьмы, внимательно наблюдал, как Дед собирается на встречу со следователем. Дед был «сепар» и сидел за терроризм. Он взрывал волонтерские центры, поддерживающие добробаты и ВСУ.

– Это не менты, это СБУ, – ответил Дед. – Бегают они ко мне не потому, что стучу, а от того, что молчу. – Дед стал обувать старенькие кроссовки. – Я не признаю своей вины и не даю признательных показаний.

– Смотри у меня, – Дато уставился на Деда. – Если «порвут» нашу хату, я тебя на кол посажу. Молдаван! – крикнул Дато. – Покажи кол. – Коля Молдаван родом из Молдавии, за что и получил навес «Молдаван», он рыбкой нырнул под нары, пошурудил там и вытащил метровый обрезок арматуры с остро заточенным концом. Дато подхватил арматуру и помахал ею в воздухе.

– Смотри, старый, если что-то выбьют из хаты, то в жопу воткну, – он резко выбросил вперёд руку с зажатой в кулаке ржавой железкой, – а изо рта вытащу.

– Считаешь нужным убить, так убивай, – Дед смотрел в тёмные глаза Дато. – Двум смертям не бывать, а одной не миновать.

– Тебя не спросил, что мне делать, – рыкнул Дато, отворачиваясь от Деда. – Молдаван, лови! – крикнул он и бросил арматуру в сторону Коли. Тот дёрнулся, но не поймал. Железка гулко ударилась об пол и покатилась.

– Безрукий! – зло буркнул Дато.

– Да я... – начал оправдываться Молдаван.

– Заткнись, а то сейчас сам сядешь на кол, – раздражённый «положенец» уже шёл на свою, «чистую», половину хаты. Он понял, что запугать Деда у него не получилось. Тогда, летом 2015 года, командир диверсионной группы «Призрак» Александр, позывной «Мартин», тюремный навес «Дед», ещё не знал, что переведён в «котловую» хату специально для оказания давления и принуждения к сотрудничеству с СБУ. Не получилось сломить волю избиениями, так применим другие меры воздействия. Пусть посидит в одной хате с матерыми уголовниками, пусть хлебнёт «счастья» от общения с человеческим отрепьем.

Полностью собранный Дед просунул голову в кормушку.

– Старший, выводи! – крикнул он. Дежурный по корпусу прапорщик Андрей зазвенел ключами. На этот раз приехал майор Проскурин. Майор был заместителем начальника следственного отдела и очень хотел построить успешную карьеру. И строил, выполняя задания предателей страны.

– Александр, – с порога кабинета начал Проскурин, – давайте поедем покатаемся.

– Здравствуйте, – поздоровался Дед со следователем. – Алексей Николаевич, девушка с вами?

– Дед кивнул на рыжеволосую молодую женщину, стоящую в метре от майора.

– Здравствуйте, Александр, – ответил Проскурин. – Это наша сотрудница.

– Здравствуйте, – Дед кивнул девушке с холодными глазами.

– Александр, давайте покатаемся, – эсбэушник вернулся к первоначальной теме разговора. – Поедем по местам вашей былой славы, – следователь, улыбаясь, смотрел на Деда. – Все ваши поделники уже покатались, всё показали. Остались только вы. Поехали? – Дед молча покачал головой из стороны в сторону, отказываясь ехать.

– Представляете, – не унимался Проскурин. – Хорошая машина, мягкое сиденье, сладкая сдобная булочка, бутылка холодной минералки, и рядом сидит симпатичная девушка, – он кивнул в сторону своей сотрудницы с глазами бездушного убийцы. – Я вам гарантирую приятную поездку. – Проскурин с надеждой на лице впился глазами в Деда. Непреодолимое желание показать поднятый средний палец охватило Деда. Он сжал руки в кулаки и ещё раз отрицательно покачал головой.

«Суки вы дешёвые, – подумал Дед. – Это вас можно купить за булочку, бутылку воды и бесплатную шлюшку. Поэтому и страна такая, поэтому и живём в дерьме. За ломаный грош страну продаёте и сами продаётесь».

– Алексей Николаевич, – тихо сказал Дед. – Кому нравится, пусть катается, а я никуда не поеду и показывать ничего не буду. Если ко мне нет больше вопросов, то пусть ответят в камеру. – Дед в упор смотрел на следователя. Проскурин на несколько секунд задумался, произвольным жестом почесал себе затылок, сельские гены давали знать о себе, и произнёс:

– Хорошо, Александр, идите.

Дед шёл по узкому проходу, чтобы выйти на круг тюремного креста. Следователь по особо важным делам, «важняк», смотрел в его спину.

– Стойкий оловянный солдатик, жаль, что не с нами, – сказал он своей подопечной рыжеволосой стажёрке.

*Через несколько месяцев Дед узнал, что двое – Кортес и Битый – дали своё согласие на следственный эксперимент. Они показывали офицерам СБУ, куда закладывались заряды и как они подрывались. Двое других арестантов, он сам и знаменитая Радистка, категорически отказались от сотрудничества со Службой безопасности Украины.

Одесса, Приморский районный суд, за два года до обмена

– **М**иленькая, родненькая, это моя вина, я виноват, – едва шевеля губами, говорил мужчина. – Ты не должна была быть здесь. Мне очень жаль, что ты оказалась в этом месте. Я не имел права втягивать ни тебя, ни Снежану, ни Нику, ни Итальянку, ни Олю. Я не имел права втягивать вас, женщин, в эту войну. В конце концов, ваше женское дело – это семья, муж, дети. Для кого-то ещё работа и карьера, но только не война. И не ваша вина, что нет настоящих мужчин, не ваша вина, что сильная и самоуверенная часть населения оказалась слабой, немощной и трусливой. Пусть сто человек сидят в тюрьме, пусть тысяча мужчин воюет на Донбассе, но где остальные из миллионного города, города-героя. – Мужчина коснулся подушечек трёх тонких нежных женских пальчиков. Только трёх, больше не проходили через частую решётку маленького, всего десять на десять сантиметров, окошка, прорезанного в железной двери подвального бокса. За пачку сигарет старший конвоя разрешил арестанту пару минут поговорить с поделницей, глянуть ей в глаза и показать себя.

– Я знаю, – мужчина взял женские пальцы в свою ладонь, – что вы заменили мужчин. Как в той старой сказке, где вместо погибших отцов встали братья, а когда не стало братьев, поднялись мальчиши-кибальчиши. А у нас вместо трусливых мужчин начали воевать хрупкие женщины с железным характером.

Арестант едва сдерживал слёзы и снова прикоснулся к пальчикам женщины. И когда поднялись эти женщины, пошла работа. Именно они печатали и расклеивали листовки. Именно они помогали закупать сырьё и комплектующие для самодельных бомб. А одна из них бесстрашно минировала и взрывала укроповских волонтеров и львовских националистов.

Мужчине было стыдно, жгуче стыдно, стыдно до слёз, которых он не мог сдержать, перед простыми бабами за бывших мужчин города-героя. Бывших... Как легко спрятаться за юбку, объясняя, что надо кормить семью, воспитывать ребёнка, платить коммуналку и так далее. Главное, не отрываться от дивана, не рисковать своей никчемной, но такой любимой жизнью, жизнью раба и слизняка. Неужели непонятно, что если ты сегодня не защитишь свою семью, свой дом, свой город и свою страну, то обречён жить стоя на коленях. Обречён быть рабом, пресмыкаться перед хозяином.

Мужчина поднял голову. Там, за бронь-дверью, у смотрящей на него красивой темноволосой женщины текли слёзы. Абсолютно беззвучно, без всхлипываний и причитаний катились слеза за слезой. А она не могла их вытереть. Пальчики просунула через решётку в двери, и их держал мужчина.

– Не плачь, не надо. Пусть наши враги плачут, а мы будем улыбаться и смеяться, – мужчина ещё раз слегка сжал её пальцы. – Вытри слёзы и улыбнись.

– Есть, командир, – она убрала руки с решётки, достала платочек, и... слёзы брызнули из глаз.

– Ты что, возьми себя в руки, – теперь уже мужчина попытался просунуть пальцы через решётку. Получилось плохо, пролез только один мизинец, и это выглядело очень смешно.

– Ну что, наговорились? – конвоир решил, что им уже хватит любезничать друг с другом. – Давай иди в свой бокс.

– Держись, милая. Помни, тюрьма пройдет, вечного ничего нет. Главное – это терпение, спокойствие и выдержка. – Он подмигнул своей соратнице и зашагал в другой конец прохода.

P.S.

Через три недели после успешной операции 28 марта в засаду попала Радистка. Её не били. К ней применили другое, «гуманное», отношение. Трое суток непрерывных допросов, без сна, еды. Только после потери сознания и нервного срыва

□

Донецк, 2020 год

Александр Евгеньевич ШЕВЦОВ –

1960 г.р., одессит, образование высшее.

Категорически не принял кровавый киевский Майдан и захват власти в феврале 2014 года

украинскими националистами-бандеровцами.

Находился в Доме профсоюзов 2 мая 2014 года,

был ранен и арестован. Бежал из райотдела милиции.

После лечения в августе 2014 г. создал группу сопротивления из неравнодушных одесситов.

В конце марта 2015 г. был схвачен сотрудниками СБУ.

Почти пять лет провел в СИЗО г. Одессы.

В декабре 2019 г. был освобожден в ходе обмена военнопленными.

В настоящее время проживает в г. Донецке, ДНР.

В журнале «Север» публикуется впервые.

